

Майя Матвеева

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ



Майя Матвеева

День одиннадцатый

«Издательские решения»

Матвеева М.

День одиннадцатый / М. Матвеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850325-2

Чарлиз — девушка без приданого, одна из многих, заполняющих ближние и дальние округа государств. Цель всей ее жизни — добиться признания в любимом увлечении. Но неожиданная встреча заставляет ее пересмотреть планы. У Чарли появляется шанс узнать свое истинное предназначение, получить ответы на первостепенные вопросы, над которыми задумывался каждый на земле. Сможет ли она ради этого отказаться от мечты и уехать на службу в столицу, изменив имя и судьбу?

ISBN 978-5-44-850325-2

© Матвеева М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	33
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

День одиннадцатый

Майя Матвеева

Иллюстратор Анатолий Матвеев

© Майя Матвеева, 2017

© Анатолий Матвеев, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-0325-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Сотканная из тонких хлопковых волокон белая блуза свободного кроя, кроме зауженных манжет широких рукавов, не могла скрыть вздыманий груди, отчаянно пытавшейся вобрать в и без того переполненные хаотичным и взволнованным дыханием легкие еще больший объем воздуха. Хотя корпус тела казался неподвижным под напором извне, утопавшая в складках белой ткани рука, крепко сжимая шпагу, стремительно отражала удары противника, то атакуя, то блокируя его.

Стальной звук оружия, скрежетающегося меж собою, гулом отдавался в залитом полуденным солнцем амбарном помещении. Даже с его открытыми ставнями и свободно проникающим ветром обоим противникам, пребывающим в нем, дышать становилось все труднее. Их статные фигуры то приближались, то отдалялись друг от друга под непрекращающимся беспощадным натиском каждого. Капельки пота выступали на лбах под самодельными масками, закрывавшими от случайных ударов шпаг лица удалых противников, чьи глаза даже сквозь металлическую сетку мерцали сотнями огней.

Силы были равны, но высокий, облаченный в черный расстегнутый камзол мужчина, почувствовав ослабление ударов противника, решительным рывком начал наступление на него, стремительно загоняя к деревянной стене. Слегка коснувшись тупым наконечником клинка левой ключицы стоящего напротив себя, он победоносно скинул маску, негласно объявляя тем самым об окончании сражения и своей бесспорной победе. Карие глаза его с легкой усмешкой и снисхождением остановились на маске перед собою. Противник, что был ниже ростом, замерев и безмолвствуя, также поднял взгляд на него, по-прежнему тяжело дыша и высоко вздымая грудь так, что победитель, не сдержавшись, побежденно опустил глаза вниз.

– Победа за мной, – прорезавший тишину голос соперника заставил юношу в камзоле вновь поднять кверху неизменный лукавый взор.

– Совсем недурно. Нет, право. Если бы я не ушел влево, то выиграл бы уже во второй раз из трех, а не в первый. Хотя сегодня очевидно твое преимущество, благодаря последнему сражению мне не так обидно, – добродушно, но с самолюбованием произнес шатен.

– Не так уж важно количество промежуточных побед. Главное, у нас обоих получается то, что любим, разве для счастья требуется что-то большее? – голос второго наполнял радость, хоть он и остался в проигрыше в последний раз. С ни на мгновение не останавливающей свое колыхание грудью он скинул маску. Волосы светлыми крупными завитками рассыпались по плечам.

Не сходявшая до того ухмылка шатена сменилась улыбкой, озарившей его лицо. Ему было безусловно приятно лицезреть своего противника.

– Только не говори, что в этом видишь свою жизнь.

– Почему бы и нет?

– Брось, Чарли. Нужды участия девушек в сражениях никогда не будет, – он особенно выделил интонацией и слегка округлившимися глазами слово «девушек». – А из того выходит, что их к оружию не допустят вовек.

– Посмотрим, – бойко ответила его собеседница, словно не замечая предостережений, радостно светясь в улыбке, заставляющей смеяться ее зеленые глаза, искрящиеся тихим светом счастья.

– Что с тобой? Мои слова, кажется, напротив, подарили тебе надежду, – юноша, вновь забывшись, мужским восхищенным взглядом окинул ее гибкий молодой стан.

– Оливер, от одной мысли только, что когда-нибудь мне удастся применить свои способности, которые будут замечены и оценены, а я смогу стать полезной, хочется начать кружиться в танце. Правда, противостояим друг другу мы тренировочными шпагами, в одиночку практи-

куюсь на боевых, но меня не покидает надежда оказаться в реальном бою, чтобы достойно сразиться с противником.

– Все это грезы, Чарли. А продолжительное пребывание в них сулит болезненную будущность реальности, – предостерег юноша, близко подойдя к ней и ощущая на себе ее все еще возбужденное дыхание, явственно различая капельки пота, собиравшиеся на лбу меж пуха волос.

– Я знаю. Но грань определения меж грезами и реальностью очень тонка. А это значит, все только в наших руках. А они лишь исполнители приказов разума, – подмигнув, весело заключила девушка.

Вместо ответа на эти слова, молодой человек, словно выйдя из оцепенения мгновения, что захватило его, стянул с рук перчатки из толстой кожи с длинными манжетами и освободил горло от плотно опутывающего его шарфа. Подойдя к кадке с водой и наклонясь над нею, он освежил лицо и шею прохладной водой, вбирая ее ладонями. После этого юноша вновь посмотрел на друга, внимательно изучая не сходящую с губ улыбку.

– Ты будешь плакать сегодня. Да, однозначно, – серьезно заключил он.

– Почему? – все еще радуясь чему-то, она удивленно подняла на него глаза.

– Так всегда. Я давно подметил. Как только беспричинно весел и смешлив, так обязательно что-то сильно расстроит тебя. Закон providения.

– Уверена, твои опасения излишни.

– Я тоже на это надеюсь, Чарли, – грустно улыбнулся он, сделав шаг к ней. – Но все равно переживаю за тебя. Нынешний турнир предлагаю считать завершенным, а значит, нам пора расходиться по домам. Тетушка ждалась тебя, наверное. Если бы она только знала, что ты днями пропадаешь, практикуясь со шпагой, впредь бы не выпустила из дома свою Чарлиз.

– Не выпустила бы, однозначно, – с легкостью согласилась девушка. – И не потому, что она не любит меня. Напротив, она сильно любит. Она бы не поняла этого... Но сейчас ее внимание, как у всех нас, приковано к другому. К миссис Хамвилл и Георгу.

– Они уже здесь?

– Да. Гостят с неделю. Встречи с тобой так редки, что для нас с тетей их приезд уже пережитое счастье, а для тебя – известие. Вижу тебя только по субботам и воскресным дням, поэтому они для меня всегда праздник, – призналась девушка, скромно опустив голову.

– К сожалению, остались теперь только они... – согласился Оливер. – Раньше было лучше, правда?

– Не лучше, просто забот было меньше, и тебе не надо было поступать на службу по причине малолетства.

– Не хочешь ли ты этим сказать, что я уже вырос, а ты, поскольку никогда не будешь служить, так и останешься малолетней?

Чарлиз улыбнулась. Когда она улыбалась, на ее щеке появлялась маленькая, почти незаметная ямочка, которую Оливер очень любил, потому что она показывалась только ему, появляясь не при каждой улыбке Чарлиз, а лишь при искренней и по-настоящему счастливой – когда она говорила о фехтовании или после своей абсолютной победы в нем. Улыбки Чарли имели различный вид, и в сотнях их вариаций увидеть ямочку – это значило много пройти бок о бок с девушкой, быть ее другом, что удалось далеко не каждому. Точнее, только ему.

Они были дружны с детства. Еще с того момента, как в первый раз, увидев ее со спины, он подошел к ней и дернул за косу от неизбежной скуки и против манер дворянского воспитания, что прививались ему с ранних лет, а после увидел ее серьезное, почти мальчишеское лицо и выкрикнул: «Отвязывай бант, трус!» – так сильно желал маленький Оливер поиграть хоть с кем-то. Но, поскольку родители его придерживались того мнения, что ребенку позволено общаться лишь с детьми дворян и обязательно мальчиками, казалось невозможным найти подходящую кандидатуру на протяжении многих миль, где простирались только посевные поля их собственных и чужих владений. И хотя, безусловно, Чарлиз оставалась девочкой и наслед-

ницей старинного дворянского рода, впрочем, лишенная его титула и средств, детям все же разрешено было дружить, вместе играть и приходить друг к другу в гости. С того момента Оливер неизменно относился к Чарли как к своему лучшему другу, почти не замечая ее уже сформировавшегося женского стана, точеной шеи, полной груди и аристократических тонких запястий рук, помимо присущей им грациозности и плавности, искусно владеющих клинком.

Вопреки приятной наружности, по существующим негласным меркам Чарлиз была уже не молода и безуспешна в выгодном замужестве. Хотя тело ее еще могло пленить мужские взгляды, головы и мысли, общество уже не рассматривало ее как невесту на выданье. Состояние девушки не могло удовлетворить мужчин аристократического круга. Да и внимание самой Чарлиз было направлено совсем на другие интересы. Ее увлекало то, чего девушки обыкновенно сторонились, из чего мечтали скорее вырасти или забыть быстрее. А Чарли не представляла своей жизни без верховой езды, ловли бабочек, бега до леса и обратно, долгих прогулок по бескрайним полям Таундера – местности, состоящей из отдаленных владений мелких дворян. Но самым обожаемым увлечением девушки на протяжении многих лет оставалось фехтование. Ей было больно и прискорбно осознавать, что самое лучшее, что она может сделать, а главное, единственное в жизни – это родить и помочь няне воспитать детей. И это казалось невыносимым для нее. Да и как могла она воспитать детей, сама недавно выйдя из-под попечения няни и тетушки, формально завися, а значит, все еще оставаясь у них на руках? Ведь для рождения действительно счастливых детей, как считала Чарлиз, необходимы зрелость, самостоятельность, опыт, собственное становление себя и понимание того, что ты не только мать, но еще и не пустой человек сам по себе. И лишь при соблюдении всех этих условий можно представлять ценность в браке и воспитать нового человека – в лице собственного дитя. Но все ее немногочисленные знакомые девушки из небольшого городка Томплинсона, ближайшего к Таундеру, придерживались иного мнения. Уже давно прежние знакомки Чарли проезжали вдоль усадьбы ее тетушки с няньками и детьми, которых воспитывали точно в таком же неведении и неподготовленности к жизни, в каком пребывали сами. По воскресным дням они проводили своих мужей в паб или мужской клуб, оставляя себя в полном неведении о содержании этой части жизни супругов, когда последние, в свою очередь, наслаждались отдыхом, позволяя подобную свободу только себе.

Задумавшись на несколько мгновений, Чарлиз перевела рассредоточенный взгляд на Оливера.

– Что ты сказал? Это намек, что я по-прежнему малолетняя? Берегись! – широко улыбаясь, она побежала на него.

Он рванул с места, уклоняясь от почти настигнувшей ее руки, едва коснувшейся спины, пробежал круг по пустующему амбару, а затем, распахнув скрипящую, повисшую на одной петле деревянную дверь, вырвался наружу. Девушке, хоть она и была в отличной физической форме, сложно было угнаться за юношей, а он, убегая, все дальше и дальше отдалялся от нее. Став не больше одной из тех бабочек, что касались своими крыльями тела бегущей Чарлиз, обернувшись, он в знак прощания энергично помахал ей ладонью.

Чарли возвращалась домой. Сменив удобные для фехтования мужские брюки и блузу на строгое коричневое платье с закрытой шеей, как нельзя лучше подходящее для помощи на заднем дворе, улыбаясь своим мыслям, девушка ступала грубыми башмаками по зеленой траве, растущей всюду, куда только можно было кинуть взор. Когда она проходила по тропинке, пролежавшей через поле, на нее налетела пара стрекоз, выходящих друг над другом. Они залетали в поле с близлежащего пруда, скрытого под деревьями, но манящего к себе прохладной влажностью воздуха. Чарли погналась за стрекозами, впрочем, не ловя их, а расправив руки,

будто сама парила в воздухе собственными большими перламутровыми крыльями. Заливисто смеясь, она бежала вслед за насекомыми, меняя положение расправленных рук и вращая корпусом. Поднявшись на холм, она почувствовала легкое головокружение и темноту в глазах, оставаясь до полудня без завтрака, потому, стремясь обрести опору, безотлагательно приземлилась на траву. Окруженная царством колышущихся травинок, она сорвала стебель одной из них и сжала его губами. Убрав руки под голову, Чарлиз, непозволительно особе дворянских кровей, согнула левую ногу в колене, на него положив правую. В этот момент девушку занимало не это неприемлемое с точки зрения приличий положение, а высокое небо над головой. «Какое же оно далекое... – размышляла Чарли. – Невероятной, кристальной чистоты». Развевающиеся на ветру стебли канареечника вокруг нее, наполовину пожелтевшие, медленно, но сильно склонялись в разные стороны, напевая ей свою мелодию. Гимн свободной и вольной летней жизни. И надежды. Надежды на исполнение ее мечты. Именно она придавала Чарлиз сил, позволяя счастливой, с улыбкой на устах, вставать по утрам. Вера в нечто доброе и светлое, самым заветным стремлением в котором была возможность женщинам наконец показать себя, свои умения наравне с сильным полом. Благодаря стараниям Чарлиз и вслед за нею они смогут фехтовать и сражаться не хуже мужчин с ними и самими собой. Вообще делать что-то прилюдно и заниматься чем-то еще, помимо выхода замуж и рождения детей. Своим примером Чарлиз докажет, что не только ткани и кринолин, составляющие женские наряды, составляют и весь смысл жизни барышень, а кроме мыслей о выгодном замужестве и приманивании богатых женихов есть что-то еще. «А, про это лучше и не думать. Женидьба и женихи – это большая тема. Она портит настроение. Неужели в моей жизни не будет ничего, кроме поиска мужа, рождения детей и смерти? Ведь должно быть что-то еще... – задумчиво глядя на медленно проплывающие мимо облака, рассуждала девушка. – То, что приносит счастье. Нечто, что только мое. В чем я способна. В чем могу принести пользу и не только ближнему окружению. Мне кажется, я давно нашла это в фехтовании. Тем более Оливер хвалит меня. Это одна из причин, почему до сих пор я не даю обыграть себя. Вопреки этим небольшим достижениям, я не могу расти в нем, ведь кроме Оли мне не с кем совершенствовать свои умения. И так было всегда... Мне необходимо развиваться дальше, если я хочу преуспеть в нем и дать возможность миру услышать женский голос... До сих пор я спасалась усердным старанием и частыми тренировками, отдавая им свободное от хлопот по хозяйству в поместье время, но одних их явно недостаточно. Придумывая удары за противника и отрабатывая свои, уже давно я точно скитаюсь в потемках, остро нуждаясь в мудром совете более опытного наставника. Но... его нет, спросить не у кого. Рядом нет того человека, которого бы я знала, который знал бы меня и... фехтование. Приходится мыслить за него, наперед, и самой себе давать советы. Впрочем, тетюшка, напротив, увидела бы только положительную сторону в этом, заметив, что предвидение – очень полезное качество в свете. Она слишком дорожит ими – качествами, что будут полезны в нем... Снова мысли увели меня от главного до высшего общества, словно больше думать не о чем... Здесь, под открытым майским небом, лежа на свежей, пахнущей летом траве, меньше всего о нем хочется вспоминать». И Чарлиз, прервав прежнее размышление, углубилась в воспоминания нынешнего сражения с другом, разбирая свои и его ошибки, вновь переживая моменты побед и неудач.

Глава 2

Дойдя до высоких ворот тетушкиного поместья, Чарли зашла во двор, внимательно всматриваясь в открывающийся перед собой фасад дома и лужайку, окружающую его. Но ни тетушки, ни миссис Хамвилл с Георгом не было видно.

«Очевидно, отдыхают после обеда. – заключила она. – Когда они гостят, его время неизменно сдвигается».

Каждый год, с мая по октябрь, в плодородные и теплые месяцы года, в имении тетушки проживала фактическая его хозяйка – вдова миссис Энн Хамвилл. Поскольку у дядюшки и тетушки Чарлиз детей не было, унаследовать их небольшие владения после смерти главы семьи, то есть дядюшки, должен был его ближайший родственник из Томплинсона, никогда не претендовавший на них – мистер Бенедикт Хамвилл. Неожданная для всех кончина его, вскоре после смерти дядюшки, повергла в замешательство всех родственников, кроме его жены, что на следующий же день, хоть она не нуждалась ни в средствах, ни в чем-либо еще, тем не менее навестила тетушку Чарли, в скором времени организовав это поместье для своего летнего отдыха.

Тетушка, будучи по характеру женщиной мягкой и смиренной, всегда с радостью и любовью принимала дальнюю по мужу родственницу, посвящая все свое время ей и ее сыну – Георгу, впрочем, как и Чарли, которая также беззаветно любила его и миссис Хамвилл, в глубине своей души даже боготворя ее. Невинной юной душе безумно импонировала ее уверенность в себе и том, как и что та говорила, женская мудрость (по неопытности своей Чарлиз легко могла спутать ее с хитростью, не замечая в том разницы) и вообще все, что было с ней связано. Не столь много она знала аристократок в близлежащей округе, тем более умеющих превозноситься и строить из себя значимых особ, воздвигая свою персону на пьедестал почета и поклонения. Уважение и почтение к Энн Хамвилл, как к зрелой женщине, умеющей повелевать, никогда не покидали Чарлиз, тем более после того, как они стали проживать в стенах одного дома, во время острой необходимости девочки-подростка в материнской любви и уроках подражания женщине. Все это преобразовало миссис Хамвилл в глазах Чарлиз с ее четырнадцатилетнего возраста в предмет беспрекословного преклонения, наделяя безграничной силой перед поклоняющимися в лице Чарли и ее тетушки, которая, в силу возраста, не могла стать таким примером для нее. Эта добрая нерасторопная седовласая старушка больше походила на заботливую бабушку, нежели на образец женственности для юной леди. Она любила всех вокруг и, не задавая вопросов, разрешала миссис Хамвилл делать все, что той будет угодно, и в этом та никогда не заставляла себя упрашивать дважды. От своего имени она делала распоряжения по хозяйству, отдавая их как прислуге, так и тетушке, занимая ее хлопотами как на время своего пребывания, так и после того, как уезжала в Томплинсон, в собственный дом, чтобы вновь посетить поместье в следующем сезоне. Она никогда не задумывалась, удобно ли тетушке, сможет ли та принять гостей и заботиться о них не в тягость здоровью. Она искренне считала, что хлопоты о здравии Георга превыше всех остальных дел окружающих ее людей, а ее мальчику для хорошего роста и развития просто необходим свежий воздух, из-за которого каждую зиму они вынуждены были посещать самые лучшие заграничные курорты, а лето проводить в этих сельских краях.

В этом году ребенку пошел уже седьмой год. Здоровье Георга нельзя было назвать слабым. Это был упитанный розовощекий мальчик с беспечной улыбкой счастливого, беззаботного детства, всегда опекаемый гувернером и прислугой, с удовольствием принимающий и полностью отдающийся ласкам и заботам окружающих его женщин. Впрочем, любви много не бывает, поэтому он не брезговал и любовью тетушки. С младенчества жил у нее и Чарлиз, которая, не отставая от остальных, искренне привязалась к мальчику. Она любила его

за радостную, широкую улыбку, за толстенькие, неповоротливые ножки в коротеньких, всегда протертых, достающих только до щиколоток (так быстро он рос) штанишках, за чистоту его детской души и наивность. Она часто играла с Георгом, проводя с ним свой досуг. В общем, они росли вместе с той разницей, что из младенца он стал ребенком, а она из отроковицы – девушкой. У них обоих поменялись система ценностей и взгляды, но вместе с тем друг для друга они по-прежнему оставались неизменно родными и понятными друг другу людьми.

Миссис Хамвилл, напротив, ничего не нравилось в Чарлиз. Скорее, все только раздражало. Раздражало, что с ней надо считаться, как пусть и с далекой, но родственницей ее мужа, причем бедной. Она пребывала в постоянном страхе за свое наследство, которое, по причине сиротства, девица обязательно примется оспаривать после смерти тетушки, родной сестры матери Чарли. Вдобавок к тому, а быть может, исходя из этого, ей не нравился характер Чарлиз, внешний облик, манера двигаться и говорить, даже одеваться. Она считала, что до уровня приличной леди той недоставало выдержанности и ледяного спокойствия, смирения, любви к диванному образу жизни и вышиванию. Для нее Чарлиз была то слишком молчалива, то чересчур навязчива, разговорчива и активна. Во всем ее поведении и в каждом отдельном поступке миссис Хамвилл виделся сокрытый подвох. Но причина была одна. Она просто не любила ее. А отсюда и неприязнь одежд и манер, казавшихся ей слишком свободными, слишком отличными от тех, к которым она привыкла в городе. Радостные эмоции Чарлиз, неожиданные быстрые движения ног и рук во время исполнений указов самой миссис Хамвилл, просьб тетушки или собственных желаний, даже платья ее казались совсем непристойными, ведь в них, сверху сшитых наподобие рубашек или платьев горничных, никогда не было корсетов, а тонкие дешевые ткани снизу часто высвечивали силуэт ног! Это было недопустимо низко и неприемлемо. Миссис Хамвилл точно знала это. Как и все те заповеди, что еженедельно читались в храме Томплинсона, каждое воскресенье и в праздничные дни, когда она неизменно ездила в коляске на службу. И чем чаще она посещала богоугодное заведение, тем более рьяно убеждалась в бесспорной правоте собственных умозаключений, приводя себе доказательства в том, что Чарлиз порочна в каждом своем проявлении. Даже в том, что ноги и грудь Чарли не были спрятаны под огромное количество юбок или корсетов, являя собой простоту, свободу движений и банальное отсутствие средств, Энн Хамвилл видела распутство, порожденное греховными мыслями. Так, приписывая собственные мысли неимущей родственнице, она уже давно присматривалась к Чарлиз, ожидая ее проступка и мечтая оградить сына от общения с ней, а лучше убрать совсем ее из своей жизни. Впрочем, поскольку дом в Таундере был также домом Чарли, тем более единственным прибежищем ее, это казалось невозможным. Энн Хамвилл терпеливо выжидала случая, тем не менее постоянно находясь настороже при общении девушки с ее сыном, малышом Георгом. Слишком близко они были дружны, и границ формальности, которыми жила она, меж ними не существовало. И матери часто приходилось наблюдать неприятные для себя поступки юных созданий, будь то их бег друг за другом или игра в девичей либо в его комнате.

В то утро женщина по обыкновению проснулась около полудня. Пройдясь с Георгом до ручья, что протекал на границе поместья, она провела с мальчиком занятие по этике. После завтрака прилегла отдохнуть, уложив сына в его спальне. Проснувшись, она пошла за ним, но, как и подозревала, Георга в покоях уже не было. «Наверняка пропадает в комнате этой девчонки, он не любит спать днем». Поднявшись наверх, она удивилась, обнаружив, что комната девушки также пустовала. Но стоило ей вновь выйти в коридор, как миссис Хамвилл услышала нарастающий топот ног и залихватистый смех сына. Пока женщина закрывала дверь, он уже поравнялся с ней и с громким улюлюканьем пробежал вперед, открывая для обозрения догоняющую его Чарлиз, облаченную в свое любимое платье, с летящими рукавами – крыльями. Это было единственное платье, что сохранилось у Чарлиз от матери. И все домашние знали, как она дорожила им и иногда примеряла перед зеркалом. Темное, серо-зеленое, притален-

ное поясом с бантом, с вырезом мысом – оно олицетворяло собой целую придворную эпоху минувших лет. И именно этот вырез на бюсте с каждой секундой все более раздражал миссис Хамвилл, а когда Чарлиз поравнялась с ней, и один из рукавов на резинке соскользнул с плеча, более обнажив грудь, чем прежде, она не сдержалась.

– Мне не нравится, как ты обращаешься с Георгом, Чарлиз, и ваши игры, – строго сказала она. – Ты дурно влияешь на него, – ее тон возвысился. – И даже не понимаешь этого. Ты, в конце концов, растлеваешь мальчика!

– Но... мисс Хамвилл! – от удивления у остановившейся перед нею девушки округлились глаза. Сама не зная отчего, видя перед собою распяляющееся лицо всегда спокойной и размеренной леди, она пыталась оправдаться.

– И слушать ничего не желаю! Нам нужно срочно принять меры. Ты слышишь? Это больше не может продолжаться. Твое поведение довело ваши игры до того, что с этого момента я против, чтобы вы находились вместе. На одной территории! – дала волю чувствам Энн Хамвилл, и ее было уже не остановить.

– Но миссис Хамвилл, – Чарлиз смотрела на женщину и более ничего не могла вымолвить. Как и тетушка, которую громкий голос родственницы заставил из гостиной подняться на второй этаж. Она тоже молчала. Оставаясь хозяйкой дома, пусть и временной, но имевшей власть, она безмолвствовала, не вмешиваясь и не прерывая яростного монолога. Георг, испугавшись неожиданного гнева матери, заплакал и забился в кресло, стоявшее в коридоре.

– Этот разговор назревал давно, но я все же оттягивала его, сама не зная зачем. Мне надоело видеть все эти бесконечные поползновения к растлению моего сына, будь то ваши непонятные мне игры, погони друг за другом, единение в ваших комнатах... – грозно продолжила миссис Хамвилл.

– ...Надо распределить месяцы, Чарлиз... Время, когда ты будешь проживать здесь и мы с сыном, отдельно друг от друга. И... я не вижу других вариантов. Ты услышала меня? – какое-то глубокое озлобление, большее, чем материнская защита и беспокойство сквозило в этих словах. Ненависть к тому дню, когда родилась Чарлиз, была вероятнее... Чарли стояла на ее пути, пусть даже не претендуя на наследство, но проживая в нем, каждый день мелькая перед глазами, а быть может, причиной всему была не поддающаяся ее пониманию натура девушки.

Энн Хамвилл замолкла, больше не произнесла ни слова, так и не подойдя к рыдающему Георгу. Поняв, что разговор окончен, Чарли ватными ногами спустилась на первый этаж, вышла из дома и, не имея сил пройти дальше, присела на деревянные ступени крыльца. Она обняла руками согнутые ноги, уткнув глаза в острые чашечки колен. Чарли не знала, сколько времени провела в таком положении. Начало смеркаться, служанка Элиза зажгла в доме свечи. Чарлиз домой никто не звал, да и возвращаться внутрь совсем не хотелось. Девушке хотелось выкрикнуть: «Мама!» и побежать к ней навстречу в уже потемневший близлежащий лес, словно та вот-вот должна была появиться на тропинке, ведущей оттуда. Но матери не было. И отца. Не было никого. И ничто не способно было возродить их. В своем незавидном положении Чарли провела час, затем другой и третий... Уже после того, как во всем доме погасили свет, ведущая на веранду дверь скрипнула, показав плечо тетушки в накинutoй шали.

– Чарли, – позвала она.

– Да, тетушка... – ответила девушка, выдавливая из себя слова.

– Чарли... – старушка подошла ближе. – Она – мать...

– Пойдем спать, уже поздно, – переключив тему разговора, произнесла пожилая женщина смиренным голосом.

– Я... – Чарлиз чувствовала, как ее губы тряслись, – ...обойдусь, – почти шепотом сказала она, не имея душевных сил ответить по-другому.

– Надо, дружок, не здесь же укладываться. Все уже легли, – намекая, что путь свободен и она уже не встретится с миссис Хамвилл, изрекла старушка.

Только сейчас, за последние пару часов, Чарлиз остро осознала, что она на пороге совершеннолетия. И терпеть ее здесь больше не будут. Она вдруг поняла, что что-то упустила в своих мыслях, суждениях и чувствах к миссис Хамвилл. Нечто, что привело к подобным последствиям. Вся та возвышенная любовь к ней и завораживающее почтение были лишь ее чувствами, не имеющими даже надежды на взаимность. И от этого горечь еще сильнее подступила к горлу, она чувствовала ее, как и спазм, что свел живот. «Как больно. – думала она. – Как же больно бывает, когда напрочь отсутствует умение угадывать чувства других людей сквозь призму собственных ощущений...»

То, что люди часто оказываются много хуже мыслей юной девушки о них, стало открытием для Чарли, но ей только исполнилось восемнадцать, потому можно было бы простить наивность и детскую еще доверчивость и чистоту. Но мир не прощает. И Чарлиз был дан первый урок очернения ее репутации, мыслей, а оттого поступков, с целью устранить ее из-за частной выгоды. Но Чарли не могла его усвоить, как не может девственная душа видеть и различать зло.

Она нашла в себе силы встать и дойти до своей спальни наверху, сопровождаемая лишь только тетушкой и лунным светом. Она не знала, что никогда больше ей не придется ночевать под одной крышей с мисс Хамвилл. И, по большому счету, даже увидеть ее. Все так, как было угодно той. Или провидению.

Глава 3

Он с сожалением и грустью смотрел на нее.

Ни одно из ее предыдущих действий не было слаженно и четко. Словно попав в плен паники и хаоса и в первый раз взяв оружие в руки, она превратилась в одну из тех, к кому он всегда слегка пренебрежительно обращался «мадам». Она ни разу не попала в цель, к которой стремилась ее рука, не отбила ни одного его удара, заставляя юношу всерьез задуматься над причиной столь необычного поведения. Он не знал ее наверняка, но чувствовал, что она существует и масштабы ее значительны.

Не выдержав и получасового испытания, Оливер демонстративным резким движением откинул шпагу в солому, покоящуюся в углу амбара, и сел на деревянный неструганный пол.

– Я не могу. Не могу фехтовать сегодня. Такое ощущение, что сражаюсь с тем, кого сейчас нет рядом. Словно ты далеко отсюда, а тело осталось здесь.

– Прости... Я здесь. Я стараюсь быть здесь, – тихо пролепетала она, еще больше опустив голову вниз.

– Я заметил, – съязвил он. – Ты пытаешься делать вид, что ничего не произошло. Но у тебя не выходит. Точно кто-то вырвал почву из-под ног. Кто-то опередил меня!

Она с недоумевающим видом посмотрела на него.

– Я думал, это я сегодня проиграю тебе. Потому что есть нечто, что выбивает меня из привычного спокойствия. А получилось наоборот. Видимо, мое нечто несравнимо с твоим.

– Что случилось, Оли? Скажи, – она напряженно вглядывалась в его лицо. В первый раз за этот день. Словно взгляд ее, блуждающий по помещению, но не бывший в нем, наконец различил черты юноши перед собою. Она всматривалась в них, пытаясь узнать все до его слов. Только сейчас пред ней ясно предстала печаль в его глазах, но вместе с ней необъяснимая решительная готовность, которую она прежде не видела. Вчерашние события, до того полностью занимавшие ее, поблекли перед этим новым для нее выражением его лица.

– Сначала ты, – отрезал он.

– Мне нечего сказать, – Чарли слабо улыбнулась и сделала шаг навстречу. Она нервно терла руку об руку, словно стараясь смягчить то, что скажет. Словно сама была не готова к тому. – Некоторые обстоятельства... – начала она, – поставили меня в тупик, и теперь даже не знаю, как жить дальше. С восходом солнца я смогла уйти из дома и прийти к тебе, но возвращаться к полудню мне некуда, – она, будто виновная или прокаженная, отвела глаза.

– Миссис Хамвилл, да? – более ничего не уточняя, спросил он, устремив на нее пронизательный тяжелый взор.

Чарлиз слегка кивнула головой, по-прежнему боясь посмотреть на него и не понимая, от кого он узнал о ее позоре.

– Я предвидел это. Рано или поздно это должно было случиться, Чарли. То, что копится внутри, когда-нибудь вырвется наружу. И вот это случилось. Она никогда не была настроена к тебе, я понимал это по твоим разговорам слепой любви и поклонения ее особе. Люди не достойны этого. Я очень хотел бы защитить тебя и прийти к вам сегодня, но... – настал его черед опускать голову.

– Отец вернулся из столицы, помнишь, я говорил? Так вот, меня определили... И уже послезавтра надо лично предстать перед моим будущим полком...

– Лично? – только и смогла переспросить она, хотя было понятно и без слов.

Она рассеянно посмотрела вокруг, не имея сил собраться с духом. Привычный мир вокруг нее прямо на глазах раскалывался и таял, точно лед весной на озере. Она хотела бы спастись, зацепившись за что-то нерушимое, постоянное, решив сосредоточиться только на положительном, всегда дарящем ощущение радости и счастья. И именно этим спасением являлось

фехтование. Как раз сегодня Чарлиз собиралась обсудить с Оливером их планы относительно организации соревнования среди умельцев в фехтовании, которое друзья хотели устроить на ежегодном празднике, посвященном дню рождения Томплинсона. Они много говорили и мечтали об этом, ожидая осени, когда это должно было произойти, но теперь потерпели крах и эти мечты...

Ему нужно было уезжать. Вопреки рациональнейшим и трезвым стремлениям его родителей, все мечты молодых людей, взятые вместе, обломками больно впились в ее сердце.

Чарлиз молчала.

И Оливер не отвечал. В какой-то мере он чувствовал себя предателем в эту минуту. Он оставлял друга в такое тяжелое для него время, он оставлял дом, родные места, разрывая тем самым их совместные планы и прошлую жизнь на части. Оливер осознавал, когда он уедет, она останется абсолютно одна. Но иного выхода не существовало. Семья была безусловно дороже. И именно она хлопотала над его продвижением. К тому же он не видел своего будущего в деревне. Даже найти достойную по положению и состоянию жену можно было только в крупном городе, как и иметь больше шансов, служа, вкушать плоды привилегированной жизни.

Он понимал, что извинения перед Чарлиз бессмысленны. Они не принесут никому облегчений. Слова не могли остановить их разлуку. Все, что он нашел уместным сделать – предостеречь ее от ошибок, что могли грозить будущему девушки. Умозаключения и наблюдения, которые раньше он озвучивать не решался или обойденные удобным случаем, сейчас казались необходимыми для той, с которой он прошел через всю прекрасную пору детства, а сейчас покидает в тяжелое время для нее.

– Чарлиз, пойми, не то чтобы я осуждаю... Или считаю странным, как остальные... – остановился он. – Ты дерешься лучше любой женщины и многих мужчин, это бесспорно, но нужно ли тебе это? Быть может, вслед за остальными тебе пора задуматься о другом укладе жизни, более привычном для женщины? – предложил он свой совет, подобный тем, что даются при расставании на неопределенный, близкий к бесконечности срок. Тот смелый совет, что никогда бы не дал, постоянно живя бок о бок с небезразличным для себя человеком.

– Ты туда же? Все о браке? – ответила она резким, недовольным тоном. – Ты говоришь то же, что и все вокруг! Вы только вторите друг другу!

– Я знаю тебя с малолетства, мы лучшие друзья, мы росли вместе, в конце концов! Но это не значит, что тебе нужно продолжать жить так, как мне или как тебе позволено было жить до совершеннолетия. Ты девушка, – он еще раз неосознанно окинул взглядом одежды, обволакивающие ее фигуру, – и нужно многое менять. Пора менять. А то останешься старой девой, Чарли. И все. И это будет самый реальный финал твоей «счастливой» жизни.

– То, чем я живу сейчас, и есть моя жизнь, – она посмотрела на него словно загнанный зверь. – То, что согревает мое сердце. Это все, что у меня осталось. И меня сильно огорчает, что ты, вслед за обществом, отворачиваешься от меня, не веря в исполнение моих идей! Ты предлагаешь следовать по проторенному и единственному пути. Будь по-твоему, давай на него посмотрим.

Не успевает девушка родиться, а ей уже прочат жениха. Не успевает вырасти и понять, что представляет из себя жизнь, как должна обязательно помолвиться, иначе ее ждут неудачи и осуждение общества! И тут для меня, как и для большинства бесприданниц, начинается беготня и сутолока за женихами, их родословными, фамилиями и, безусловно, деньгами.

– Почему же ты не можешь наравне с остальными начать охоту на них?

– Благо, мы живем вдали от скопления людей. И, в частности, женихов. Это меня спасает, – тихо произнесла она. – Мое состояние, которого совсем нет, также не благоприятствует их расположению.

– А внешность? Ты забыла, она тоже играет роль. Но ты пренебрегаешь ею!

– Потому что не грежу о замужестве. Впрочем, у меня нет шансов и по этому пункту! Оли, посмотри на меня! Чем я могу привлечь внешне? И кого? У меня средний рост, обычные русые волосы, тусклые, ничем не примечательные глаза. Есть много девушек, привлекающих внимание еще издали своей яркостью. Или такие же, как я, но опять же, обладающие большими ресурсами притягательности для женихов, чем я могу себе позволить. Содержать в чистоте голову и лицо, умываясь родниковой водой – вот и все мои привилегии! Заграничное душистое мыло, пудра, бальзамы и помады – и вот обеспеченные невесты, с пылающим, будто от фосфора в ночи, лицом, выгодно выделяются на моем блеклом фоне. Против них у меня нет ни шансов, ни желания их затмить, – повторила Чарлиз.

– Я знаю, ты думаешь, что мои мысли не верны, хочешь переубедить, исправить их. На самом же деле ты пытаешься изменить мою жизнь. Мою жизнь. А это все, что у меня есть. А я – все, что есть у тетушки.

– Ты берешь слишком близко к сердцу ее одиночество. Уверен, она будет рада, когда ты объявишь о своей помолвке с тем, кто сможет оберегать и заботиться о тебе, – не сдавался Оливер.

– Раньше я возлагала большие надежды на турнир в Томплинсоне, что мог дать старт развитию наших с тобой судеб по пути фехтования, впрочем, в случае неудачи я намеревалась остаться в деревне и скрасить тетушкину старость, ничем не меняя ни ее, ни своего быта. Теперь я не знаю, где буду жить и чем заниматься. Мне кажется возможным без препятствий устроиться в чей-то дом, ухаживая за детьми, и когда-нибудь я смогу заработать и на собственный угол. Как бы там ни было, надеюсь, ты иногда будешь навешать мою скромную обитель со своей женой и детишками, правда? – она изучающе-серьезно, но в то же время с нежной улыбкой посмотрела в его глаза. В них она прочла некое замешательство относительно планов юноши на собственную жизнь. Стоя на пороге будущего, окруженного туманом грез и размышлений, он не хотел так далеко загадывать, уже предвкушая погружение в новую, светскую и необязывающую жизнь. Ему хотелось движения вперед, как и внимания дам и света. А все, что хотела осуществить Чарли, хоть он ее и бесконечно любил, Оливер считал по большей части мечтами, которым, впрочем, раньше он был подвержен и сам.

– Прошу тебя, подумай еще раз над моими словами. Мы не дети уже, и никогда не будет того, что было раньше. Нашей прежней жизни не будет. Ей пришел конец. Я отправляюсь на службу. И тебе пора двигаться дальше, Чарли. По известным реальным тропам... Я только лучшего желаю тебе, – и, подойдя к ней, он поцеловал девушку в макушку, прощаясь и благословляя друга.

Глава 4

Все дальше Чарлиз отдалялась от старого амбара и окружавших его владений семьи Оливера, где она провела самые радостные моменты детства и отрочества. С каждым шагом девушка уходила от своей прежней размеренной жизни, осознавая, что та уже никогда не повторится вновь. Рассекая воздушные потоки, больше не взорвется громким заливистым смехом голос Оли, с возбуждением делящегося с Чарлиз своими детскими мечтами. Ни одного его и ее волоса не запутается больше на верхних ветвях деревьев, окаймляющих этот луг, когда, взбираясь на них, дети пытались осмотреть безграничные владения самой природы. Звук металлических клинков, что раньше слышал только пронизывающий ветер, перестанет быть слышим даже ему. Он стихнет, стихнет навсегда...

Чарлиз направлялась к дому, чтобы успеть забрать необходимые вещи до приезда миссис Хамвилл из Томплинсона, дабы не встревожить ее спокойствия. Она шла, обдумывая нелегкую дилемму своего будущего жизненного пути, обуреваемая вечными вопросами жизни и сыплющегося, словно песок сквозь пальцы, времени, а не зависящая от ее размышлений природа тем временем продолжала жить собственной полной жизнью. Легкий ветер колыхал подол ее свободного, сшитого из грубой ткани серого платья простого кроя. Волосы растрепались из косы и выбились из-под косынки, прикрывавшей голову от палящего солнца, но Чарли не замечала всего этого, как и нежных прикосновений к голеним стеблей трав и соцветий, гордо возвышающихся над землей и танцующих под дирижирование ветра. Чарли шла привычной тропой к дому. Той тропой, по которой целых шесть лет направлялась по, казалось, безграничным владениям семьи Оливера все к тому же, пусть старому и покосившемуся, но ставшему родным амбару, возведенному для пасущегося вдали от дома домашнего скота как укрытие от внезапного дождя или палящего светила.

Она могла бы идти зажмурившись по этой тропе. Ноги сами бы вывели ее к дому. Шесть лет – огромный срок, и так просто вычеркнуть его из головы представлялось неразрешимой задачей, к тому же слишком болезненной. Впрочем, вдобавок к тому Чарлиз пора было откататься от будущего, напрямую связанного с надеждами, питавшими ее все эти годы. Ей предстояло отсечь свою мечту о фехтовании и турнире в Томплинсоне, как первую ступень в этом направлении. Оли прав. Ему действительно нужно двигаться вперед. Известными тропами и реальными целями. А все дебри мечтаний и стремлений, что она хотела свершить и не могла в одиночестве, – только ей и останутся, обваливаясь лишь на нее и погребая в своих обломках.

Ее сердце болезненно сжималось, а порывы ветра, казалось, стрелами пронизывали все существо. Чарли физически ощущала острую боль, но источником ее оставались лишь размышления. В попытке освободить от них разум девушка вскинула голову вверх, всматриваясь в глубокое голубое небо, в ветви деревьев на его фоне над головой. Чарлиз захотелось стать одним из этих зеленых великанов, свободных от обязанности оправдания ожиданий окружающих, независящих от власти монет, человеческого осуждения и презрения из-за их отсутствия, и времени. У них, кажется, так много времени, а у нее оно сыпется из рук, и именно этого ресурса ей не хватит в осуществлении главной цели жизни, даже если она приложит все мыслимые и немыслимые старания и связи. В настоящий момент она лишена положения, средств и крова, а юность осталась позади. Где-то в далеком прошлом, о чем свидетельствовали стоящее на пороге восемнадцатилетие и более молодые девушки, что встречались Чарлиз, бегающие и веселящиеся друг с другом, с такими же смеющимися, беззаботными, как и у нее прежде, лицами, но уже не она. И это время для нее никогда больше не вернется. Чарли отчетливо понимала это. Ей в пору уже гулять со своими девочками, что она и делала бы, если бы не посвящала мысли и дела иному устремлению. Безусловно, причиной тому нельзя считать

отвращение к детям, напротив, Чарли любила их, меж тем не обладая страстным желанием в скорейшие сроки стать матерью, как и супругой первого попавшегося жениха.

По-прежнему не смотря по сторонам, Чарли следовала по тропе к дому. Одно поле, пройденное ею, сменялось другим, оставаясь далеко позади, пока в какой-то момент у Чарли не зародилось ощущение преследования кем-то. Словно некто шел вослед. Ей никогда подобного не чудилось. Она не страдала навязчивыми состояниями, но сейчас, быть может, ей хотелось, чтобы кто-то шел следом? Кто-то, чья судьба, близкая ее судьбе, как-то связана с нею. Или сможет повлиять на нее, кардинальным образом изменив жизнь. Вопреки неожиданным ощущениям, кроме мухи, летающей вокруг лица, больше у Чарлиз преследователей не было. Девушка неохотно отмахнулась от нее и, вспомнив известную ассоциацию, загрустила еще больше. «Даже мухи не считают меня чем-то стоящим...» Глаза одномоментно увлажнились, и Чарли вновь обратила лицо к небу, вытирая влагу с уголков глаз. «Есть нечто, большее того, к чему меня склоняют обстоятельства. Оно значительнее и опаснее, потому что предназначено лишь для меня одной, точно путь по нехоженным тропам, но именно этим оно мое. И решать мне: выбирать ли собственный, пусть даже тернистый путь, либо блуждать в потемках, что для других привычная жизнь, а для меня умерщвление...»

Придерживаясь привычного маршрута, Чарли минула поляну, где еще вчера лежала на траве, наслаждаясь жизнью природы и ее энергией, прошла тот самый пруд, со склоненными над ним деревьями, и ступила под тень аллеи из нескольких дубов, одиноко возвышающихся над лугом. Когда-то, давным-давно, они сами, вероятно, проросли здесь из нескольких желудей, став защитой случайного путника от безжалостного солнца. Будто выштудированные солдаты, стояли они ровным рядом, будучи уже необъятными исполинами. Проходя меж ними, Чарли наслаждалась прохладным ветерком, касающимся разгоряченной кожи рук, вдыхала запах молодой листвы, пока чуть не напоролась на острые обломанные бычьи рога, неожиданно оказавшиеся под грудью. Вмиг распахнувшимися от удивления глазами девушка принялась изумленно рассматривать возникшее перед собой животное.

Это был молодой, но очень хилый и изнеможенный бык. Ноги еле держали его, и он, опираясь на дерево, не мог сделать от него и шага. Казалось, даже веревка, опутывающая его шею, была не нужна. От природы сильный и выносливый, он стоял, безучастно склонив ставшую тяжелой для него голову. Внимательно осмотрев его острую спину с выпирающим хребтом и торчащими по бокам ребрами, покатуя шею, Чарли поймала на себе взгляд животного. В бездонно черной звериной глубине его она прочла бесконечную мольбу и скорбь. Безучастное к окружающему животное находилось в полной уверенности в безрезультатности крика, даже напротив, усугублении им своего положения, потому не произносило ни звука. Говорящими оставались только глаза и облик быка, свидетельствующие о медленном, но верном прощании животного с жизнью. Да и что в ней было для него хорошего? Бесконечная работа с зари до зари, горсть плесневелого зерна и несвежего пойла.

Решительно обойдя дерево с другой стороны, девушка увидела мальчика. Так же, как и бык, спиной прислонившись к дубовому стволу, он сидел, закрыв глаза от полуденного солнца. Невозможно было различить, спал ли он или просто отдыхал от дороги. Когда Чарлиз подходила к нему, упавшая ветка треснула под ее ногами, и отрок нехотя открыл глаза, смотря перед собой. Увидев девушку в деревенском платье, он вновь прикрыл их.

– Твой бык... – начала Чарли, подбирая слова. – Очень слаб. Ему нужен отдых, а вовсе не краткий привал.

– Я веду его на скотобойню. Там и отдохнет, – последовал ровный ответ.

– Зачем же так жестоко? – в душе Чарли будто что-то оборвалось, а мурашки покрыли руки.

– Все вы, барышни, слишком чувствительны, – произнес мальчик. – Вам бы только попричитать на время.

– Что с ним случилось? Почему он такой? Чем болен?

– Он здоров.

Невозмутимый голос продолжил:

– Просто, в свое время, по молодости, он позвонил себя приручить. Вспахивая землю, отдал молодые годы и лучшие силы юности, что обратно уже не вернутся. Он быстро выдохся и теперь не нужен в хозяйстве. Одним словом, пожинает плоды своей жизни. Остается только продать его, ведь только от его смерти будет польза. Я получу денег. А люди – мясо и шкуру.

– Не надо так грубо с ним... о нем... – чуть слышно прошептала Чарлиз, не имея сил сказать громче от перехватившего у нее дыхания.

– Жалость – не лучшее средство спасти кого-то, не так ли? – не открывая глаз, спросил он, как показалось Чарлиз, совсем равнодушным и не детским тоном.

Она нерешительно, вопрошая, посмотрела на него.

Он нарушил тишину, видимо, решая дать пояснения:

– Для чего он сдался тебе? Его жизнь стоит не больше чьей-либо другой жизни. Я каждый день прохожу мимо ему подобных, и все они, подобно ему, так же на меня смотрят. Так почему я должен освободить его? Чем он лучше остальных? Или я должен освободить все стадо, чтобы каждый из них потерял контроль над собственной жизнью и кончил ее еще бесполезнее?

Чарлиз со вниманием и страхом слушала мальчика.

Ободранные коротенькие штанишки, чуть доходившие до колен, старая курточка с крупными заплатами... Он был очень скромно и бедно одет, совсем как сын фермера. Не поняв смысла его последних слов, поддавшись своим размышлениям, Чарли спросила:

– Обязательно нужно вести его туда?

– Обязательно. Его мать кончила так, отец. У него такая судьба. Как у всех.

Девушке было странно слышать эти слова. Они казались ей много глубже разговора о быке, являя собою недавние размышления Чарлиз о собственной судьбе и жизни, так мучившие ее. Размышления отдельно взятого, но каждого человека.

– Мальчик, – она подошла к нему ближе, – сколько монет ты возьмешь за него? Продай его мне, прошу.

– Неужели ты думаешь, что как-то отложишь его участь, откупившись от нее? Нет. Ты ошибаешься. Впрочем, знаешь это. Он все равно подохнет. Его ждет одно. А ты потеряешь свои деньги, силы и время. Так он хоть накормит и оденет людей. В противном случае время не пощадит его, кожа станет толста, а мясо жестко и горько... Чем он станет тогда? Обузой.

– Но... – Чарли ужаснулась. Этот ребенок говорил о жизни и ее конце беспристрастно, но ей казались жестокими и слишком строгими его слова. Ему, скорее всего, не больше одиннадцати, но его рассуждения... Они даже не такие, как у взрослого или старика, они как у... того, кто много старше, кто многое пережил, и нет, не стал циничнее, но слишком реально смотрит на мир, зная его слабости и ход жизни. Ей даже казалось, что он не сидит у дерева, закрыв глаза, а ходит вокруг нее и заглядывает в самое сердце и потаенные мысли.

– Ты думаешь, ты нашла выход, но он – лишь пропасть. Он обрекает на вечные муки одиночества и ненужности. Ты правда считаешь, что окажешься умнее всех, придумав уникальный план жизни для себя? Полагаешь, этого достаточно для счастья? Или для того, чтобы считать свою жизнь не такой никчемной, как у остальных? Надеюсь, ты понимаешь – если проживешь лишь для себя и собственных амбиций, никто и гроша ломаного не даст и не захочет спасти тебя, Чарлиз, как ты этого быка?

Она смотрела на него все с больше округляющимися глазами.

– Я и рад втолковать ему его участь, – мальчик кивнул на животное, – но он не в силах меня понять...

– Откуда ты знаешь меня? – недоуменно спросила Чарлиз. Она никогда не видела этого мальчика прежде, хоть знала детей с соседних ферм, играя с ними и угощая сладостями.

– Кто... – она в оцепенении открыла рот и не могла ничего сказать больше. Какая-то часть ее существа немела перед ним. Перед каждым его словом. Словом, подобно мечу, перерезавшим жизнь и представления о ней Чарли.

Не удивленный, не обозленный, не осерчавший, мальчик в первый раз обратил на нее свой взор. Но она не видела черт его лица. Ни сейчас, ни потом не могла бы вспомнить. Весь облик его мерк и был ничтожен перед созидующим и проникновенным взглядом его и словами. И хотя каждое из них с болью принимало ее сердце, душе они дарили наслаждение и успокоение тем, что наконец-то она нашла ответы на вопросы, терзающие изнутри.

– Вокруг происходят события, которые не должны происходить, Чарлиз. Пострашнее смертей. И никто не приходит на помощь. Они кажутся абсолютно не разрешимыми, но если бы только нашелся кто-нибудь, кто захотел бы помочь... Предложил руку помощи, вместо того чтобы горевать над своей беспечной жизнью или грезами вселенского масштаба... Все пошло бы совсем не так. Иначе. И жизнь помогающих обрела бы смысл. Ты задумываешься не над теми вещами, о которых стоило бы. У тебя слишком много времени и так мало настоящего важных и необходимых дел...

– Чем я могу помочь? – спросила она, забыв о судьбе животного и обо всем на свете, включая собственное имя, продолжая теряться в догадках о персоне перед собою. Сама от себя не ожидая этого вопроса и того нетерпения, с которым она задала его, Чарлиз чувствовала, что это не она, а ее душа, разбуженная после долгого сна, интересовалась ответом.

В это мгновение ей стала совершенно безразлична прежняя своя жизнь до встречи с ним. Тем, кто не просто говорил. Тем, кто знал. Все, что сходило с уст этого отрока, было больше, чем просто слова. Каждое из них, что она должна была уловить, было отгадкой смысла ее жизни. Той помощью, что она уже и не надеялась получить.

– Все серьезные вопросы обязуют слишком усердно и невероятно долго работать над их решением и поиском ответов. Ты готова на это? – как ей показалось, он сжалился над ней.

– Я хочу помочь, – она смотрела на него с мольбой во взгляде.

– И даже если эта помощь вынудит тебя отдать самое ценное, что у тебя есть?

– Все, что потребуются... Все, – наклонившаяся к нему всем корпусом, она готова была встать перед ним на колени, но речь его не давала ей этого сделать, так как она сосредоточенно ловила каждое слово из его уст.

– Что отдашь за быка? У тебя наверняка нет с собою денег? – этим вопросом он обескуражил ее, вернув к реальности, ее собственным словам и началу беседы.

– Нет... – призналась Чарли, понимая, что у нее действительно нет денег ни с собой, ни в тетушкином доме. У нее их вообще не было. У тетушки она никогда не просила, а когда та с любовью во взоре протягивала ей монеты, влажные от вспотевшей ладони, – немедленно возвращала обратно. Она слишком любила тетю и не могла брать у нее то, чего у той не было.

Тут Чарли вспомнила о том, что все же у нее, у Чарлиз Горн, кое-что было. И оставалось самой ценной вещью для нее, подаренной отцом.

– Есть... шпага, – произнесла девушка, а у самой на глазах налились слезы от мощной волны смешения эмоций любви и горечи, утраты и светлой памяти, боли и счастья одновременно. – Подойдет?

– И она стоит целого быка?

– Конечно, – слезы, заволокшие глаза, сразу прошли, уступив место лучезарному оживлению. – Боевая, в отличном состоянии, словно новая, впрочем, испытанная храброй рукою. Ее клинок выкован самым лучшим кузнецом столицы во времена ее расцвета.

– Где она? Пожалуй, я отдам тебе быка взамен на нее.

– Хранится подле амбара, что на той стороне, во владениях графа Эсми. В месте, где старые вилы облокочены на постройку, нужно раскинуть копну соломы под ними. Она там, завернутая в ткань...

– Хорошо, – прервал ее мальчик, вставая. – Я верю тебе. Бык твой.

Он замолчал, словно обдумывая что-то. Чарли, затаив дыхание, ждала. Ей казалось, что он уплывал от нее, хотя находился рядом. Нет, он не мог этого сделать, хотя она и боялась сейчас этого больше всего на свете. Не мог, вот так, зародив надежду и заставив пойти за собой, раствориться в воздухе.

– А если бы нужно было покинуть пределы владений Таундера или Томплинсона, ты смогла бы это сделать?

Она молча, но с усердием кивнула головой.

Она видела в нем шанс. Единственный на всю свою жизнь и один на десятки тысяч, что выпал ей. И даже если этот ребенок, право, негоже так думать, бредит или смеется над ней, она все исполнит, как он велит. Потому что каждое его слово идет в унисон с сокровенными мыслями, что пульсируют в ней.

– Так часто человеку приходят вести, а он реагирует на них не должным образом либо совсем отрицает, когда многие из них – шанс для него. Тот шанс, что может повести жизнь в правильном направлении, не оставив даже тени сомнения. Сколько раз можно было использовать возможности, но ты, к примеру, всегда игнорировала их, если они были связаны с отдалением от родного дома. Ты забыла, что иногда, для движения вперед, необходимо отойти от привычного и начать сначала. Ты боишься оставить близких людей. Ты боишься движения. Но только оно способно помочь достичь прогресса, не дав завязнуть в стоячей воде... – он замолк. – Будет весть. О том, кто нуждается в твоей помощи, а в какой, ты поймешь, если услышишь. Если дашь возможность услышать самой себе. И участие в этом посилено тебе. Во всяком случае, я надеюсь на это.

– Конечно, я... – поспешила заверить его Чарлиз.

Он перебил ее.

– Но помни – только праведные твои действия и помыслы смогут помочь и самой себе открыть знание собственной жизни, ее счастье и истинное назначение. Оставайся до конца нравственно чиста и непредвзята. Обратное сбивает с пути, утягивая в омут с головой. И помни – главную роль в твоей жизни будут играть новые лица, потому нужно научиться жертвовать собственной персоной для счастья других людей. Сможешь ли?

– О... – лишь протянула Чарли, хотя хотелось дополнить: «Ты просишь слишком много, а я не уверена, что смогу, я не такая, я слабая...» Но Чарли промолчала, опасаясь, что поклонение своим слабостям лишь скорее поставит крест на ее жизни.

– Не сомневайся, – только и успел произнести отрок, как неожиданный и протяжный стон быка, стоящего позади нее, испугал девушку.

Лишь на мгновение обернувшись на него и убедившись, что он по-прежнему на своем месте, привязанный, живой, только замученный жаждой, развернув голову обратно, к собеседнику, Чарлиз обнаружила, что стоит под дубами посреди поля совершенно одна.

Ничего не происходило вокруг, кроме того, что солнце вкрапляло в ее волосы золотые нити, а ветер играл ими. Вокруг, на расстоянии нескольких сот метров не было ни души, кроме пасущегося чахлого животного.

«Что это было... Кто это был? Был ли? Что я говорила?» – мысли хаотично путались в ее голове, но одна преследовала ее непреклонно. Повиновение и страх перед незримым, но великим и спасающим, первый раз в жизни завладели ей.

«Будет весть...»

Глава 5

Оставив быка на скотном дворе, среди остальных домашних животных: десятка кур, общипанного петуха и одной старой коровы, Чарлиз помчалась со всех ног к знакомой высокой ограде дома, на лету скинув грузные башмаки, чтобы добежать быстрее. Не раздумывая девушка смело вбежала в гостиную, не боясь потревожить душевный покой миссис Хамвилл, по воскресеньям уезжавшей с Георгом в Томплинсон на службу. Тетушка всегда сопровождала мать с сыном, помогая ей с ним.

Чарлиз знала, что дома оставалась только Элиза, единственная служанка в доме, у которой она жаждала узнать хоть какие-то новости, что могли появиться в ее отсутствие и пролить свет на загадочные слова недавнего собеседника.

Забежав в гостиную и увидев тетю, сидящую в кресле у окна, вместо прибирающейся горничной, Чарли, резко остановившись и побледнев, спросила:

– Тетушка, что случилось?

– Что? – недоуменно переспросила та.

– Почему вы не на службе? Что-то со здоровьем? Вас отвезти к лекарю? Говорите куда!

– Что с тобой, Чарли? Долгие прогулки в одиночестве, коими ты увлечена по выходным, имеют на тебя слишком дурное влияние, – тетя радостно-обеспокоенно вглядывалась в дышащее здоровьем и легким загаром лицо любимой племянницы.

– Я совершенно здорова и не поехала с Энн лишь потому, что хочу побыть с тобой, милая, – она склонила голову набок. – А еще нам нужно ее дождаться и поговорить всем вместе. Ее предложение определить тебя на летнее проживание в садовый домик, что не ближний свет, меня смущает, – она покачала головой.

– Что? – теперь пришла очередь удивляться Чарлиз, со вчерашнего вечера не знающей о прогрессирующих планах дальней родственницы. Лицо ее выразило недоумение, а сердце с ноющей болью потянуло вниз.

«Может быть, весть эта и есть переезд? – подумала она, – «...иногда, для движения вперед, необходимо отойти от привычного и начать сначала...», «...оставить близких людей», «...научиться жертвовать собственной персоной для счастья других...» – все сходится».

– Не стоит затевать разговор, дорогая тетушка, – девушка присела рядом со старушкой, опустившись в кресло. – Зная вашу натуру, которой, я полагаю, чуждо возвышение собственных интересов и мнений над другими и много ближе спокойствие в доме и на душе – перемены решения миссис Хамвилл мы вряд ли добьемся. Если вы избрали молчание вчера, значит, это было лучшим из возможных действий, даже на нынешний момент. А мне остается только полностью покориться ее решению. Мне, уже собравшейся искать приюта в домах Томплинсона, можно счесть за удачу разрешение прожить лето в садовом домике, потому не беспокойтесь за меня, – произнесла Чарли всепрощающим тоном.

«Выходит, миссис Хамвилл глаголит то, что считает Господь», – заключила она и удивилась сама этой мысли. То, что вчера Чарли считала несправедливым гонением, теперь оказалось истиной, которую она готова была безропотно принять и покориться.

– Я пойду собирать вещи и скажу Элизе поставить чай для нас, – она улыбнулась и пошла из комнаты.

Тетушке было больно смотреть на девушку. Сердце ее разрывалось между миссис Хамвилл и племянницей, но она в самом деле не могла сделать выбор. Неотапливаемый деревянный сарайчик на краю ее земель сильно смущал тетушку, особенно при стоящих майских прохладных ночах. И хотя она любила их обеих, так же как и Чарли, в глубине души была полностью зависима от влияния миссис Хамвилл, считая более молодую женщину значимей себя и безропотно подчиняясь ее советам, что та давала по любому поводу и без. Из-за этого

неосознанного влияния и родственных связей она никогда не смогла бы высказаться против ее слов или дурно о ней подумать, лишь подтверждая курьезное правило жизни: слова безусловных, непонятно как ставших авторитетными персон, лишь вторящих тому, что говорят вокруг, или вовсе противоречащих истине, всегда принимаемы, слышимы и возвышены до фанатизма.

Тетушка Чарли, ничем не отличаясь от большинства, не могла судить, а тем более осуждать поступки своего идола, хотя, возможно, в каком-то самом дальнем уголке души ей казалось несправедливым решение Энн Хамвилл, но с ним она ничего не могла поделать. Не могла же она выставить из дома ее и маленького «внучка», как назвала тетушка полусиротку Георга?

Поэтому она молча смотрела на удаляющуюся, ссутулившуюся, будто от непосильного гнета или прибавления десятка лет, Чарлиз и захотела хоть чем-то порадовать ее за последнее время.

– Ах, да, Чарли, совсем забыла! Тебе письмо. Из дворца, моя милая. Хоть и очень хочется, я не вскрыла его, храня до твоего появления как зеницу ока!

– Тетушка, как это неважно сейчас, вы даже не представляете! – в сердцах ответила Чарли, находясь и желая находиться на пороге очищения, новой страницы своей жизни. Ее уже ничего не волновало, за исключением желания насладиться ощущением смирения, пусть горького и незаурядного, но уже принесшего с собой умиротворение, соединившегося с еще не затянувшейся болью.

– Оно именное, для тебя лично, Чарлиз!

– Тетушка, я не успею сказать о чае, если буду отвлекаться на письма. Вы знаете, я писем не получаю. Никогда. Да и не от кого. Наверняка это ошибка, либо оно для вас или миссис Хамвилл, вот увидите.

– Но оно твое, Чарли! – не выдержав яростного сопротивления племянницы, старушка разорвала конверт и пробежалась глазами по листу бумаги. – Подписано самим принцем, – улыбнулась тетя. – Приглашение предстать перед двором по случаю твоего восемнадцатилетия, – она радостно подняла голову.

– Я же сказала, это ошибка, – небрежно протянула Чарли. – Они хотят показать свету дворянку Чарлиз Горн, но ее не существует более семнадцати лет.

– Ошибка только в твоём нынешнем положении и статусе. В остальном они приглашают именно тебя, потому, я считаю, ты вправе поехать.

– Служащим дворцовой канцелярии следовало бы внимательнее изучать архивные документы, – ответила раздосадованная девушка. – И заранее находить несоответствие в них, потому что это приглашение выглядит издевательством или грубой шуткой.

– Возможно, ты права, и архивариусы уточнили не все детали о твоей кандидатуре. Но я могу их понять! Подготавливая списки дебютанток – именинниц, что должны предстать перед королем и принцем, они были ослеплены датой твоего совершеннолетия, что приходится как раз на день этого торжественного события, и потеряли всякую бдительность, забыв проверить записи, коим без малого почти двадцать лет, – попыталась оправдать действия незнакомых себе людей тетушка, домыслив их причину.

Племянница ничего не отвечала, все еще находясь в дверях.

– Чарли, я знаю, как больно может ранить твою честь и чувства подобное объявление. Но я уверена, никто умышленно не хотел тебя принизить. Попробуй взглянуть на это уведомление с другой стороны. Ты получила неповторимый шанс предстать перед королем и принцем! Только представь, что окажешься в столице и без помех попадешь во дворец! Быть может, ты даже сможешь в нем остаться! Например, фрейлиной при невесте его высочества?!

– Невесте? – Чарлиз была совсем не осведомлена о дворе и его жизни и эту общеизвестную, по всей видимости, данность слышала впервые.

– Безусловно. Графине Виктории. Разве ты не знаешь о ней? Даже если это всего лишь столичные сплетни, о них знает каждый и в наших краях. Впрочем, ты же не любишь ни столицу, ни болтовню, – с укором и улыбкой на устах покачала головой старушка.

– Это так скучно, – пожала плечами Чарли, облокотившись на дверной косяк, она с любовью смотрела на тетю. Она всегда с любопытством наблюдала за тем, как эта сухопарая женщина в пенсне пытается участвовать в ее судьбе и вывести в общество.

– А жаль, любимая моя. На твоих глазах вершится история. Возможно, даже будет заключен брак.

– Почему «возможно, будет заключен», если вы говорите, что она уже невеста? Что может помешать двум влюбленным?

– Помешать?.. Надеюсь, этого не случится, но... Поговаривают, есть свои трудности... А вдруг именно ты можешь помочь их воссоединению? – добродушно-мечтательно спросила тетя.

Улыбаясь тетиной шутке и качая головой, Чарли повернулась к выходу, уже желая приступить к переезду на новое место жительства, как вдруг, резко повернувшись к тете, переспросила:

– Что вы сказали?

– Я имела в виду, – пояснила тетушка, – что никогда не нужно принижать собственную значимость в жизни, Чарли. Надо верить, что ты можешь. А ты можешь, – заключила Анна свою мысль.

Чарлиз изменилась в лице. Словно выйдя из дремы, с посерьезневшим выражением лица и нахмуренным лбом она пристально смотрела на тетушку. Как она могла быть глуха раньше к словам тети?! Неужели она так глуха ко всему?

– Что с тобой, Чарли? Ты побледнела, – встревоженно произнесла тетя, глядя на девушку.

– А, ничего, пройдет, – ответила девушка отрешенным тоном.

В голове Чарлиз, конечно, родилась мысль о том, что тетя, знающая о нежелании Чарлиз отлучаться за пределы округа их селения, подговорила того ребенка... Но... нет, этого не могло быть, потому что старушка не знает всех тех мыслей, что терзают ее племянницу каждый день и вечер. А мальчик знал...

Как только девушка отогнала от себя сомнения, ее уже настигли другие.

«Может, это моя гордыня играет со мной злую шутку? Шепчет, что этому, самому грандиозному браку современности не быть без меня? Неужели и впрямь, значительно оторвавшейся от жизни общества, мне с неосознаваемой разумом, но непреодолимой силой хочется вернуть его? Впрочем, это еще сомнительнее, ведь у меня никогда не наблюдалось тяги к подобным желаниям...»

– ...Я ...Я ничего не знаю ни о нем, ни о ней... Точнее, слышала об именах, положениях, но не больше. Какой он? Какая она? И разве на пути их возможного брака могут быть препятствия? – спрашивая это, Чарлиз в тайне надеялась, что тетя сейчас рассмеется и успокоит ее, сказав, что это дело решенное и никаких серьезных противоречий в нем нет.

«Принц! Кажется, какие у него могут быть проблемы?» – в сердцах недоумевала Чарлиз, искренне не понимая, как он может нуждаться в помощи от кого бы то ни было вообще на всем белом свете. Лучшей жизни точно ни у кого не может быть. И она была полностью уверена в этом.

– Ты знаешь, друг мой... – начала тетушка. – Весь высший свет, кажется, живет одной Викторией. Она и умна, и красива, величественна и добродетельна, так говорят о ней, по крайней мере. Мне сложно судить, прожив всю сознательную жизнь здесь, я не знаю всей истинной картины. Матушка твоя могла бы знать. А я... Я ни секунды не сомневаюсь, что идеальной супруги для него и пожелать нельзя, но вот принц... – Чарлиз насторожилась. – Из-за особенностей его нрава и слишком строгого воспитания с ним очень сложно даже вступить

в разговор... Особенно женщинам... Безусловно, виной тому не дурная натура, а скромность и слишком большие требования к монарху, что чинят разного рода преграды для его личного счастья. А ведь достаточно пары минут и его открытого сердца, и он точно будет без ума от нее. Пока не выходит, но знай, этот союз предрешен на небесах, так считает весь высший свет без исключения!

– На небесах... – точно пребывая в прострации, повторила Чарлиз.

– Когда и куда надо прибыть, в письме сказано? – она так неожиданно задала вопрос, что тетушка даже вздрогнула.

– Я не узнаю тебя, Чарли! И куда подевалась сельская патриотка?

– Если письмо призывает меня ко двору, так тому и быть. Раз сам Господь желает соединить их в браке, то разве кто-то сможет пойти против Него? Только следовать Его воле, – Чарли покорно опустила голову. – Надо ехать и, приобщившись к великому, лично посмотреть, в чем я могу помочь им, не так ли?

– Чарли, – улыбнулась тетя, – боюсь, поначалу тебе будет нелегко это сделать. Тяжело разобраться в отношениях между мужчиной и женщиной, всю сознательную жизнь избегая этого. Живущей в лесах, не имеющей практики общения с людьми, я уже не говорю о светском обществе, придется многому научиться самой, прежде чем храбро вступать в дебри человеческих взаимоотношений. Впрочем, я уже вижу действенный способ осуществления твоих добрых намерений и умений. Ты можешь стать отличной фрейлиной для графини Виктории, в этом я не сомневаюсь. Хозяйственной, услужливой и исполнительной, тебе с легкостью удастся уход за ее светлостью. На этом и довольно, – рационально заключила тетя.

Повисло молчание. Чарлиз не знала что ответить. Но старушка, понимая, что ни в коем случае нельзя упускать решительный запал племянницы, меняя его на одиночество в домике у леса, скороговоркой произнесла:

– Я напишу письмо, а ты передашь его через прислугу графине, когда будешь представлена его высочеству. Напишу ей лично, она знает нашу семью. Ее матушке была знакома фамилия твоей.

– Правда?

– Да, – грустно и нежно смотря на племянницу, ответила старушка.

– Спасибо, тетушка! Спасибо за все, – Чарлиз поднесла к губам руку тети.

– Но, – тетушке не давал покоя один вопрос. – Могу я узнать, что в моем рассказе так разожгло тебя? Мне очень интересно, – она со вниманием устремила на девушку свои добрые близорукие глаза.

– Ваши слова, милая тетушка, затронули струны души, дремавшие во мне. И теперь я не могу не ехать, я обязана, – улыбнулась она. – Лично предстать перед принцем, быть полезной графине Виктории – мой долг. Впрочем, как и сообщить вам о реалиях всех намечающихся дел и событий. Решено. Еду, – и под бесконечно обрадованным взглядом тетушки Чарлиз поцеловала ее.

Глава 6

Письмо с гербовой печатью принца являлось именным приглашением во дворец, рассылаемым каждой девушке из высшего дворянства, достигшей совершеннолетия, с целью представления ее особы королевской семье и всему свету. Сухое и формальное, даже если оно и было подписано принцем, то вовсе не обласкано и долей секунды его внимания. Рука его высочества, механически расчеркивая над ним и ему подобными, не мешала самому ему безучастно смотреть за окно «комнаты пыток», как он называл кабинет отца. Он проводил здесь не много времени, не собираясь отнимать это право у своего родителя, так ярко любившего правление, что, казалось, даже не замечавшего настроений сына.

Но Чарлиз не знала этого. Вглядываясь в причудливые завитки выведенных им букв, она пыталась разгадать, о чем думал он, подписывая это письмо. Ей стало важно знать, какой он, ведь если письмо от него, значит, именно ему и его невесте нужна помощь. Помощь в их воссоединении. И, если Чарлиз действительно может помочь, она должна отправляться во дворец немедленно, так как до даты, указанной в письме синим по белому, оставалось четыре дня.

Второпях собрав свои немногочисленные вещи в один небольшой узелок, Чарли выехала в столицу в тот же день после трех по полудню, подоспев лишь к часу начала мероприятия. Помимо отдаленности поместья тетушки ее задержала постоянная необходимость, экономя на передвижении, часто менять общие перекладные экипажи, следуя не прямому маршруту, а петляя из одного города в другой. И когда самая последняя и экономная повозка, что развозила рыбаков от причала до центральной площади столицы, остановилась почти у главных ворот дворца, Чарли, даже не замечая красот города, предъявив свое приглашение охране, вступила в дворцовый парк. По-прежнему не смотря по сторонам, потому пренебрегая прекрасными видами дворцового парка с длинными аллеями из близ растущих друг к другу садовых и лесных деревьев, девушка стремилась скорее попасть во дворец. Каждый шаг приближал Чарлиз к огромному строению, все больше открывая его, прячущегося за обильной листвой высоких стволов. Обладая мрачными темно-серыми стенами и внушительными размерами, каких Чарли еще не случалось наблюдать, он внушал невольное подчинение своей древностью и царственным величием. Имея бесчисленные окна, казалось, всех разновидностей, рельефные статуи, толстые колонны, поддерживающие широкий балкон над парадным подъездом, он напоминал собой дворец точь-в-точь из фантазий, окончательно подтверждая это десятками башен и шпилей, которыми он, очевидно, упирался в самое небо.

Покоренная словно нерукотворной красотой, Чарли желала бы вечность в изумлении провести перед ним, изучая каждую деталь сооружения, но непреклонное к опаздывающим время заставило ее без промедлений продолжить путь. Стремительно взлетев по широкой серой лестнице парадного подъезда, она чуть не сбила с ног дворецкого. Озадаченный действиями гостя слуга был ошарашен ее несмелой просьбой присмотреть за ее личными вещами до окончания мероприятия. Он с недовольством и брезгливостью взглянул на узелок, небрежно взял его из рук девушки, пробурчав, что тот будет ждать ее в чулане близ черной лестницы.

Чарлиз, у которой не было времени и возможности даже сменить закрытое дорожное, темно-зеленого цвета платье, сглотив, поспешила в приемную залу дворца, откуда доносилась торжественная камерная музыка, разливаясь по всему пространству здания. Точно слепая, Чарлиз шла на звук мелодии, не замечая ни убранств залов, через которые она проходила, ни людей, в потоке которых она двигалась. Она была занята исключительно предстоящим событием знакомства с теми, кому могла стать полезной, теми словами ободрения, что она произнесет и теми взглядами одобрения, которыми ей ответят.

Когда Чарли наконец была представлена его величеству и принцу в числе многих, обезличенных для него, длинной вереницей следовавших друг за другом, он не выделил ее среди других, даже не взглянув на девушку. В те несколько мгновений, пока распорядитель представлял ее, читая по бумаге, он смотрел на подол ее платья и несколько вбок, подсчитывая количество оставшихся молодых леди, выстроившихся в шеренгу позади нее. Лишь взглянув на его безучастное, казалось, дремлющее лицо, каждый день взирающее на милых и богатых, не очень милых и совсем не богатых, но всегда производящих на него одно и то же впечатление ветреных, кокетливых и жеманных особ, прячущих свои истинные лица под улыбками и притворством, Чарлиз поняла – и речи не может быть о том, чтобы поговорить с ним, даже беспрепятственно посмотреть в его глаза, цвет которых со своего положения она не могла увидеть. Даже если она, минуя барьеры приличий и этикета, запятнав чистоту поведения дворянки, первая заговорит с ним, он не заинтересуется и не поддержит беседу, а откrestясь от нее шаблонными, но крайне учтивыми фразами, поспешит скорее отделаться от навязчивой дебютантки. Бесспорно, его галантное воспитание не могло позволить ему поступить с ней фамильярно или неуважительно. В том глупо было сомневаться, как и надеяться на большее.

Чарли еще раз посмотрела на него, своим поведением перед молодыми дамами подтверждающего истинность ее доводов, словно она знала его высочество уже лет сто. Впрочем, кронпринца она видела впервые, но ему подобных молодых людей во множественном числе успела повстречать.

Наверное, он был даже красив. Но скука и даже не то что брезгливость и высокомерие, а больше равнодушие застыли на его лице, окаймленном светло-каштановыми волосами, в безразличных синих глазах. Усыпанный камнями камзол его и припудренное лицо делали молодого мужчину еще более похожим на одну из статуй собственного дворца.

«Но я же должна... – не отступала Чарли, вглядываясь в его застывшее лицо, ловя скудные жесты. – Ради благополучия моей страны, моего народа. Будущих потомков, в конце концов. Так мучительно и сладко одновременно осознание собственного вклада, прикосновения к великому – силе любви. И пусть я не знаю, как действовать в ставшем уже моим стремлении скрепления браком двух сердец, созданных друг для друга, но даже эти благие намерения способствуют моему собственному духовному росту, работе сердца и ума. Раньше мой мир заканчивался оградой тетушкиных хозяйств, а теперь он безграничен. Прежде, любя фехтование, я любила, по сути, только себя и лиц воображаемых, а теперь могу свою жизнь посвятить во благо кому-то, кроме себя, совершив реальное дело, перестав жить фантазиями. Как давно я ждала этого! Правда, даже сама не ведая...»

Чарлиз напрасно ждала того момента, когда голос вельможи, представляющего ее имя и уже не существующее положение, стихнет, и принц обратит на нее свое внимание. Чарли удостоилась формальной улыбки короля, очевидно, не внимающего монотонному голосу распорядителя и тут же перебросившего ровный, одобрительный взгляд на стоящую после Чарлиз девушку, тем самым повелевая начинать речь о следующей персоне после уже названной. Чарли ничего не оставалось делать, как, глубоко вздохнув, отойти от королевского трона. Объект ее внимания так и не взглянул на нее.

По правде сказать, ей совсем не так представлялась встреча с принцем. Она ждала от него дружественной, пусть несколько высокомерной, но все-таки толики внимания.

Чарлиз в последний раз обернулась на него. Он что-то говорил королю, веками прикрыв глаза и не смотря на собеседника. Во всем его облике чувствовалось, что он знал себе цену, как и то, что на любой его жест тут же слетится весь дворец. Выполнят любую его просьбу и будут, не отрываясь, смотреть на него, будто карликовые собачки на своего хозяина. Но он ничего не требовал.

Внимание Чарлиз переключилось на то, чтобы среди толпы вновь прибывших гостей и старожил дворца глазами отыскать Викторину и, пока она лично не представлена ей, передать

через прислугу письмо тетушки. Она берегла в душе надежду, что хотя бы Виктория окажется именно той принцессой из сказки, что рассказывала ей тетушка. Но никого вокруг, подобного этому образу, она не встречала.

После представления последней дебютантки под легкий мотив играющего соло фортепьяно гости и придворные окончательно перемешались в зале, разбредясь по кружкам, неспешно и вальяжно беседуя друг с другом. Среди колышущегося моря людей, их слов и жестов, Чарли почувствовала нехватку воздуха, ощутив на себе давление окружающей реальности, от появления которой в сновидениях девушка в страхе просыпалась посреди ночи. Словно неожиданное спасение, двери залы широко распахнулись, запуская процессию, состоящую из ярко и по последней моде разодетых дам, во главе с блистательной, вихрем сшибающей с ног горделивой красавицей, что, играя веером и взглядом, казалось, шла прямо на Чарлиз.

Это определено была Виктория. Это не могла быть не она. Величественная, точно рожденная для трона, подходящая для него даже больше его высочества (это было очевидно даже для Чарли), сверху вниз бросая снисходительные дружественные взгляды, она плыла по зале, в каждом присутствующем рождая ощущение неоспоримой силы и превосходства ее нечеловеческого божества. В первые секунды Чарлиз обомлела, впрочем, вскоре поняв, что уже влюблена в графиню, и никакие силы не смогут разрушить эту любовь к ее особе.

Да и как можно было не полюбить ее? Как тот, кому суждено было быть супругом ее светлости, с горячностью, пусть даже совсем не свойственной ему, еще не припал к ее ногам и с радостью во взгляде не предложил свою фамилию и какое-нибудь герцогство? Как он мог? Чарлиз, вмиг присоединившись к тете и подчиненным короля, живущим при дворе, в городах и провинциях, не могла этого понять.

Осмелясь подойти только к личной прислуге графини, что, проследовав за яркой процессией фрейлин, осталась в зале прислуживать своей госпоже, Чарли передала письмо тетушки, не зная, чем себя занять в ожидании ответа графини. Очевидно, кругом все знали друг друга или уже познакомились, находясь в привычных, милых сердцу дворцовых интерьерах и кружках по интересам, а она, стоя в одиночестве, сомневалась, имеет ли право к кому-нибудь подойти, не будучи никому представленной лично.

Да и сложно было, вот так, из леса и деревенской глуши, оказавшись во дворце, освоиться бедной загнанной девушке, знавшей более о природе и живности, нежели о людях и их словах. Притом Чарлиз не любила сплетен. Но часто становилась предметом их, лишь подтверждая негласный закон человеческих взаимоотношений: «Либо ты говоришь о ком-то, либо слушаешь про себя, иначе быть не может».

– А вы случайно не из рода Эддинов? Я прослушала ваше представление, – неожиданно появившись перед Чарли, поинтересовалась пожилая женщина в тяжелом и цветом и формой бархатном платье.

– Я... Да, по материнской линии, – растерявшись, Чарлиз опустила в низком реверансе.

– Узнаю их черты в этом лице, – старушка с интересом вглядывалась в лучезарные глаза Чарли, не оставив без внимания ее небольшой тонкий нос, поднятый кверху, и светло-русые, с оттенком меди, выющиеся легкой волной волосы, касающиеся широких, больше восточных, скул.

– Как давно их нет при дворе, – с неподдельным вздохом сказала она. – Когда они были, здесь царила честность и искренность, а теперь... – не договорив, словно в осуждении, она покачала головой.

«Мне показалось, или эта почтенная женщина осуждает главный дом в государстве? Нет, этого не может быть...» – подумала Чарлиз.

– Двор великолепен! Он сверкает всеми цветами радуги и камнями, – вслух заметила она, стараясь увести разговор от настроений осуждения.

– Да, но свет способен ослеплять, застилая собой реалии пространства, оставляя человека наедине только с обманом собственных иллюзий, – отпарировала ее собеседница.

«Наверное, при дворах всегда находятся те, кто критикует настоящее. Так было всегда и везде. Вот и эта дама не исключение», – объяснила себе Чарли.

Чарлиз слышала о таких людях. Они есть в каждом обществе, будь то дворец или хижина бездомных. Замечая новое лицо, они подходят к нему, как правило, с двумя целями – либо пожаловаться на жизнь, либо для провокации нового человека.

– С какой целью ты здесь? Почему решила вернуться? – она обратилась к Чарли, будто обращалась не к ней, а ко всем поколениям женщин ее рода, связавших когда-то свою жизнь с двором.

– Я... слышала, что графине Виктории требуются фрейлины и...

– Ах да... – перебила ее старушка. – Требуются. И часто. Особенно охотно она принимает на службу обездоленных и благовоспитанных, но не за их достойные качества, а напротив, за терпимость ее оскорбительного отношения к ним. Притом ни один кавалер при дворе не удостоит подобных сироток и взглядом, потому они никогда не составят конкуренцию Виктории в мужском внимании и комплиментах, адресованных ей одной. Слишком много золота тратится ею для поддержания своей внешности и напускной роскоши, чтобы она терпела равно подле себя. Кичась сделанной красотой и своим богатством, она добивается, чтобы ни у кого не возникло и доли сомнения в соответствии именно ее положения положению супруги будущего короля, а, если этот брак сорвется, желает оставаться лакомым кусочком для других женихов, – заключила женщина.

– Можем ли мы переменить разговор? Прошу, давайте не будем говорить о графине? – взмолилась Чарлиз, защищая свою любовь и своего ангела от осквернений.

– А в услужение принцу, – спросила она, чтобы окончательно уйти от темы о Виктории, – кто-нибудь требуется?

– Нет, – отрезала почтенная старушка. – Принцу нужен друг. Настоящий, верный, душевный. Вот кто ему действительно нужен.

– А разве гармоничный брачный союз не сможет подарить ему друга, а народу счастье?

– Мне нравится глубина и невинность твоих суждений. Нет, определенно, мы должны с тобой поговорить в более спокойной обстановке, – произнесла собеседница Чарлиз, увидев, что на ее новую знакомую обратила внимание Виктория, не отрывая от нее взгляда. – В любом случае... – старушка посмотрела на принца, продолжающего восседать на троне с безучастным лицом, тогда как отец его с интересом и оживлением общался со своими подчиненными.

– ...все мы живем только счастьем и благополучием нашего принца – ставленника Господа на земле... – произнесла она с нежным материнским чувством и патриотизмом, заставив Чарлиз вновь впасть в растерянность. Старушка не сквернословила про всех подряд, и была совсем даже не зла, как можно было подумать. По какой-то, ведомой только ей причине она невзлюбила обожаемую Чарлиз Викторию, но с такой же силой любви предана была и молилась за холодного чопорного принца.

Женщина заметила на себе изучающий взгляд Чарлиз, пытающийся понять причину ее слов, и, улыбнувшись, добавила:

– Я знаю, твоей семье многое пришлось пережить, но вижу, что ты смогла остаться милой Шарлоттой Эддин.

– Это моя матушка, не я...

– И что с того? Она была такая же, как ты. Такая же нежная, скромная и открытая душой. Настолько, что даже, как и ты, не быв представленной мне и даже не узнав моего имени, раскрыла свое и начала со мной самую искреннюю беседу – это дорого стоит.

– Деточка, – торопливо произнесла женщина, видя, что Виктория и ее свита уже пересекают зал, направляясь к углу, где расположилась она и Чарлиз, понимая, что, будучи разведенными в этой зале, не мудрено, они могут больше не встретиться в ней, либо сети Виктории не дадут это сделать.

– Обещай мне, что навестишь бедную старушку. Приходи в гости, а я расскажу тебе все, что помню о матери... Твоей матери, – она ласково посмотрела на нее. Не теряйся, – она взяла Чарлиз за руку. – Дора Кристиан, дом, что напротив шоколатье, приходи, – повторила она.

– Обещаю, – ответила Чарлиз. Она даже не успела поблагодарить миссис Кристиан за приглашение, как услышала позади себя приятный, с резкими нотками, женский голос, полнотой накрывающий собой и заставляющий Чарлиз непроизвольно на себя обернуться.

Повернувшись вполборота, Чарли увидела перед собой высокую молодую женщину с широкими покатыми плечами и холеными белоснежными руками, ту самую, что пленила ее взор.

Ту самую Викторию.

Не любознательные, но хитрые блестящие глаза ее впились в незащищенное маской кремов и пудры лицо перед собою, замерев на этом лице, словно считывая информацию по любому его движению. Ее темно-каштановые волосы, убранные в высокую прическу, были украшены небольшими, но сильно распушенными экзотическими перьями и нитями драгоценных камней, на переливы и блеск которых нельзя было не обратить внимание.

Но Чарли не могла оценить роскошь облика графини. Не отрываясь она смотрела в бездонные своим карим цветом глаза и не могла различить их склонностей. Они завораживали наивную девушку своей магической привлекательностью, и она с легкостью приписывала их обладательнице легкий нрав, умение радовать и радоваться жизни. Но даже если бы взгляд графини обнажал бесконечную хитрость и желание использовать людей в своих целях, разве могла неопытная душа различить то? Стоило Виктории взглянуть на нее, как Чарлиз, и без того влюбленная в ее, безусловно, сильное женское начало, терялась еще и в гордом, властном взгляде, вблизи еще больше светящемся уверенностью в своей силе.

Викторию невозможно было не уважать и не восхищаться, потому что графиня умела проникнуть в любую душу и, довлея над ней, по необходимости ее забрать. Тех, кому удавалось закрыться от этого влияния, можно было пересчитать по пальцам. Но именно в этой малочисленной остаточной армии находился принц и те, кто в какой-то момент, смея противиться ее решению, наталкивались на сильный волевой характер, тон и необходимые воздействия, в итоге склоняющие к подчинению.

Но Чарлиз и не пыталась проверять на себе способности Виктории. В глубоком почтении она склонила голову перед ней, как перед женщиной, которой, без усилий оной, уже подчинилась. В преданном взгляде ее сквозило глубокое уважение и готовность служить всем сердцем. Но Виктория не поняла этого, непривычного для себя, бесхитростного и бескорыстного взгляда.

– Я прочла письмо ваших родственников, дорогая Ча... Чарлиз, – запнулась она. – И очень рада, что вы прибыли к нам. – Она улыбнулась широкой располагающей улыбкой. – Я очень люблю девушек из провинции. Они очень милы и пахнут травами, – с доброй усмешкой, пребывая в восторге от собственного остроумного плетения слов, произнесла графиня.

– Благодарю, миледи, – Чарлиз вновь скромно опустила голову, и Виктория поняла, что общение с ней труда не составит и можно без церемоний вести разговор.

– Я очень рада знакомству с вами. И надеюсь быть вам полезной, – посчитав, что она должна выразить все свои чувства и намерения, пока представилась возможность, продолжила Чарли.

– Что же заставило вас принять решение остаться при дворе? – участливо поинтересовалась графиня.

Чарлиз не смогла быстро собраться с мыслями и сформулировать цель своего визита в столицу, но должна была отвечать, причем не забывая об осторожности, иначе ее могли посчитать сумасшедшей.

– Я...

– Вы, – Виктория взглядом заставила своих фрейлин, все время их разговора стоящих за ее спиной, отойти еще дальше, оставив ее наедине с Чарлиз.

– Вы можете довериться мне, друг мой, – вкрадчиво сказала она, подходя к Чарлиз ближе и взяв ее за руку. – Так, как бы вы доверились самому близкому человеку. Что привело вас сюда? Если позволите, я предполагаю, ваш приезд и служба полностью зависят от цели, которую вы преследуете. Мне хотелось бы узнать вас лучше, поняв, какое стремление движет молодой женщиной, покинувшей родные места, что крайне далеко отсюда... – графиня, чуть заметно нахмутив лоб, сосредоточенно смотрела на Чарлиз.

– Я приехала чтобы... способствовать... надеюсь, позволительно так это вам говорить, за... му... – Чарлиз раздумывала, как лучше преподнести Виктории истинную цель ее поездки, чтобы не смутить, не напугать и не отдалить ее от себя. Она хотела бы рассказать все и сразу. Виктория поняла бы. Чарли знала, что обязательно бы поняла. Такой блестящий, уверенный в себе человек не может по-другому. Но мысли путались, а светских манер не доставало. Каким образом предложить свою кандидатуру на помощь Виктории в вопросе ее замужества, она не знала. Со стороны ее правда может звучать чересчур дерзко и нелепо.

Но Виктория сама пришла на помощь.

– Замужеству, вы хотели сказать? – она подняла вверх брови. Эта была единственная реальная сила, по ее разумению, что могла вытащить нетитулованную обедневшую провинциалку из ее глухого леса на старости лет в среду женихов.

– Да, – обрадованно подтвердила Чарлиз, полагая, что этого достаточно, а графиня узрела самую истину, вмиг избавив Чарли от необходимости уточнять, чье замужество она имела в виду.

– Вот и прояснили, – сказала Виктория, заключив про себя: «Какие же бесцеремонные, наглые, бесконечно наглые эти деревенские девицы! Меня выводят из себя бесприданницы! Ничего, я помогу тебе. Выберу для тебя самого „достойнейшего“ женишка. Разбежалась, как же! Много вас таких вокруг ходит и бродит. Даже я, эталон, еще не уверена, что пристроена наверняка, что уж говорить об отбросах», – думала она, смотря на Чарли с застывшей печально-добродушной задумчивой улыбкой.

– Я помогу вам, чем смогу, в этой нелегкой задаче, дорогая. Обещаю. Как я понимаю вас, бедняжка!

Чарли не знала, что Виктория никогда не смогла бы сделать того, что пообещала. Бесконечная зависть к лицам женского пола, с каждым из которых она неосознанно соперничала, постоянно жила в ней, родившись вместе с графиней. И даже неважно, к чему определено. Мысль о том, что благодаря ей жизнь кого-то сможет наладиться, а не быть сплошным страданием и стенаниями о помощи, заставляла ее зеленеть от злости.

– Вы поняли меня с полуслова? – решила уточнить Чарли, уже почти освободившаяся от груза скрываемой в сердце истины.

Виктория уверенно кивнула.

От переизбытка окрыляющего чувства признательности Чарлиз с благодарностью поцеловала руку женщины, которой мысленно в ту секунду поклялась в своей верности и поставила перед собою единственную главную цель – выдать графиню замуж за принца.

– Я хочу, чтоб вы знали, за нас с вами небеса! – расчувствовавшись и не имея душевных сил, чтобы сдерживать в себе столь благородные порывы и ободряющие вести, проникновенно призналась Чарлиз.

«Что несет эта умалишенная? С каждой секундой ее неоправданная самонадеянность вместе с ней мне все противнее и противнее», – подумала Виктория, никогда не признаваясь себе, что самой самонадеянной женщиной во всем государстве является именно она.

– Друг мой, Ча... Чарлиз, – заключила графиня, взглядом призвав своих фрейлин приблизиться к ним, выяснив все, что ей было нужно, и порядком устав от общества неимущей блеклости, – я сделаю тебя моей пятой фрейлиной, но я хочу просить об одном... Ты же не хочешь поставить меня в затруднительное положение?

– Нет, что вы! Как я могу? – искренне изумилась Чарлиз, с самого появления Виктории пребывая в сетях ее обаяния.

– В таком случае, милая, избавьте меня от страданий произносить это длинное и сложное для запоминания и произношения имя, договорились? Мне кажется, цвет этих глаз больше подходит Лиз, тем более у нас традиция – ранг фрейлины соответствует ее имени, чем выше – тем имя длиннее, и наоборот. Достаточно простая и удобная для всех традиция, не так ли? К тому же лаконичное и скромно-обаятельное имя Лиз как нельзя лучше гармонирует с внутренним миром честной неприязательной девушки, не так ли?

Чарлиз слушала Викторию с открытым ртом и не знала, что ответить. Предложение Виктории отказаться от собственного имени выглядело обыкновенной причудой. Впрочем, Чарли могла отказаться и от многого другого, только чтобы служить ей, поэтому безропотно произнесла:

– Бесспорно, миледи.

– Вот и отлично, – расслабленно произнесла Виктория. – На этом и остановись. Поскольку Лиз уже принята на работу, я буду обращаться к новой фрейлине, как и к другим четверем, доверительно, без дистанции, на «ты». Итак, Лиз, следуй за остальными, они тебе все покажут и разъяснят. – И, машинально кивнув Чарлиз на прощание, уже забыв о ее существовании, Виктория отошла к кружку уже давно бросающих на нее взгляды военных мужей.

А Чарли в оцепенении и с низко склоненной головой, продолжая находиться под гипнотическим для себя обаянием Виктории, провожала ее благодарным взглядом.

Глава 7

Их звали Петронелла, Габриэлла, Памела и Белла. Тех фрейлин, что составляли свиту Виктории, а сейчас, обступив Лиз, как они ее знали, и не отводя восьми глаз, разглядывали девушку. Старшие из них, и по возрасту и по положению, Петронелла и Габриэлла, единственно допускаемые близко до себя Викторией, были самыми яростными фанатиками ее и поклонницами, оставшиеся три служили более «устрашением», нежели надобностью для графини. Виктория знала, что внушает ужас величия уже одной своей длинной процессией, тянувшейся за ней повсюду, куда бы ни ступила ее нога. На роль последней в ней и, как всегда, самой бедной, скромной и исполнительной девушки и была принята Чарли. Пятой фрейлине более всех других доставалась роль груши для битья, необходимой Виктории и ее любимцам для насмешек, шуток, розыгрышей, если рядом не находилось, помимо них, других объектов. Если не считать закрытых, для узкого круга людей, приемов, свита графини была неразрывно с ней связана. В комнате каждой фрейлины на стене подле кровати висел колокольчик, часто звонящий разом для всех них, призывающий наравне с прислугой в покои Виктории. Ей было не наиграться живыми куклами во время бодрствования, потому она использовала их по вечерам и ночам тоже. Графиня любила шум и беготню вокруг себя, непременно в соединении с услужливым тоном и живым заботливым участием.

Чарлиз не оставалась на приеме ни секунды более, под конвоем младших фрейлин отправившись на ознакомление с основными помещениями дворца. Исходя многочисленные коридоры и лестницы вверх и вниз, Чарли тем не менее сделала вывод о том, что основное здание имеет пять этажей, срединный из которых занимали комнаты короля и принца. Если бы на то была воля его высочества, он не позволил бы никому бывать на третьем этаже, но король, оставаясь монархом, являлся более гостеприимным хозяином, поэтому этаж был многолюден, и даже графиня Виктория часто посещала его. Король, имевший связь с матерью Виктории на протяжении многих лет, питал к молодой графине отчасти родственные чувства, если вообще знал, что это такое. Так или иначе, он отвел Виктории покои на следующем, предпоследнем этаже. Последний, пятый, большей частью пустовал, если не считать комнат некоторых придворных, в том числе покоев фрейлин, занимающих небольшое пространство в восточном крыле дворца. Поднимаясь все выше и выше по лестнице, процессия с Чарли наконец их достигла. Нарядные коридоры, богатые убранством и красным бархатом, здесь сменились на неокрашенное дерево, коим была оббита стена между шестью дверьми, следующими в ряд друг за другом. Самая последняя комната, у дальней стены, пустовала. Дверь ее была открыта, а застеленная покрывалом кровать и необжитый, без личных вещей, вид подтверждали это.

Памела и Белла, что, введя в курс дела, должны были помочь обустроиться Чарли, оказались бесполезными помощницами, зато превосходными болтунями и сплетницами. Как только они оказались вдалеке от высшего общества, а значит, от чутко слышащих ушей и острых взглядов, они принялись обсуждать знакомых персон, на свое несчастье в течение дня успевших повстречаться им на пути. Их диалог был настолько пустым и быстрым, что Чарлиз, вначале пытавшаяся уловить его смысл, через несколько минут перестала напрягать разум в этом понимании, признав, что не успевает и не вычленяет ценности из него, потому она углубилась в собственные размышления.

– Если бы Элла сегодня еще оставалась пятой, то он точно не посмел промолчать и ответил ей за недавнее оскорбление в свою сторону.

– Да, он имел бы на это право. Она всегда поступала грубо и невежественно. Вспомни, как она ушла. Ничего даже не сказала.

– Да, просто ушла.

– Одного не пойму, почему?

– Я была уверена, что она упадет графине в ноги, ведь неправда.

– Ей было так хорошо во дворце, на таком значимом положении! Хотя в последнее время ее словно подменили... Да и как она могла, в трезвом рассудке и добром здравии, без объяснения, не отвечая на призыв графини приблизиться, напротив, сбежать от нее?

– Такое ощущение, что ее околдовали.

– Без темных сил здесь не обошлось, точно.

– Даже если это была банальная гордость, – предположила Памела, – нам не нужны гордячки, определенно нет.

Неразлучные приятельницы в течение получаса обсуждали внезапный для них уход предыдущей до Чарли, пятой фрейлины, у которой в какой-то момент разум возобладал над слепым поклонением графине, не позволив дольше сносить нападки Виктории исподтишка. Приняв решение молча удалиться из дворца она тем самым сознательно ставила крест не только на карьере и удачном замужестве, но и на приеме в свете. За время этой беседы Чарлиз успела через единственное окно своей комнаты осмотреть задний двор, на который оно выходило, развязать узелок с самыми необходимыми вещами, а именно: небольшим образом с ликом Спасителя, расческой, косынкой и двумя старенькими простыми платьями, и разложить все по местам.

– Что теперь делать? – она решилась перебить их занимательную беседу.

Фрейлины, замолчав, с непониманием уставились на нее.

– Я имею в виду, – пояснила Чарлиз, – каковы обязанности фрейлин? Как проходит их день? – девушку уже порядком изнурила пустая болтовня двух подруг, и только жажда приступить к работе поддерживала бодрость против желания прилечь с долгого пути.

– Как проходит день Виктории, так и наш. Всегда по одному расписанию, – ответила Белла.

– По утрам графиня оповещает о своем пробуждении каждую из нас, правда, возможно, в разное время, но с одной целью – чтобы мы присутствовали при ее утреннем туалете. Мы помогаем ей одеваться, передаем последние новости или ответы порученных нам посланий. После завтрака или чая гуляем в парке, как и по окончании обеда. Если погода не располагает к тому, проводим время в приемной зале, где, исходя из надобности графине, поддерживаем беседу с великосветскими лицами, прислуживаем, можем вязать или вышивать, к примеру. После ужина, когда начинает смеркаться, – проводим время в тех же залах, но уже на званых вечерах или балах.

– Каждой из нас в течение дня графиня дает различные важные и интригующие задания. Сходить в то или иное место, отнести или вернуть вещь или записку, узнать или вывести у определенного, указанного ее светлостью лица нечто, что передано должно быть лично ей. Мы – ее глаза и уши во дворце. Самые преданные и верные.

– Я полагала... – начала Чарлиз, но остановилась.

– Что ты полагала? – с неодобрением посмотрели на нее девушки.

– Полагала, что мы будем в постоянных разъездах. Будем посещать приюты, больницы столицы и других городов...

– Зачем? – девушки нахмурили брови. Им явно не понравилось ни одно слово в речи Чарли.

– Для того чтобы помогать нуждающимся...

Фрейлины молча переглянулись.

– Это не входит в обязанности графини, – отрезала Памела. – Даже когда она станет королевой, не будет входить.

– Да, – подтвердила Белла.

– Его высочество – возможно, но она – не должна, – ответили они одна за другой.

– Как же вы здесь? – Чарлиз снова наткнулась на взгляды непонимания. – Как же вы здесь не изнемогаете от скуки и бездействия?

– Поверь мне, Лиз, за всеми этими заботами, кажущимися тебе, возможно, мелочными, пролетают все наши дни, – серьезно ответила Памела, которую уже начинали раздражать вопросы новой фрейлины. – Эти дела съедают все наше время. Главное здесь – графиня Виктория, а мы лишь служим ей, и не стоит этого забывать. На себя здесь не найдешь времени, как и на размышления из разряда: «Что?», «Как?», «Почему?».

– То, что ты находишься при первой леди в королевстве, даже безвозмездно, уже о многом говорит. О сложившейся придворной и личной жизни как минимум, – с загоревшимся блеском в глазах добавила Белла.

– Если на собственные дела у вас не остается времени, как же вы находите его для родных людей из прежней, семейной жизни?

Вместо ответа фрейлины апатично покачали головами.

– Даже ответить на письма родным не успеваем, – сухо проронила Памела.

– Только если раз в месяц, – добавила Белла. – Где-то за восемь недель службы выкраивается один день, чтобы навестить близких, если они живут в столице.

– И вам по сердцу подобным образом распоряжаться собственной жизнью? – искренне удивилась Чарлиз.

– Здесь мы строим себе новую жизнь. А ты, судя по расспросам, сюда исцелять кого-то приехала? – девушки ехидно рассмеялись.

– По крайней мере, я постараюсь найти время на что-нибудь подобное!

– Посмотрим, – усмехнулись придворные фрейлины, так и не согласившись с ней.

Но они оказались правы.

За всеми незначительными заботами, вмиг набросившимися на нее и более не отпускавшими, Чарлиз так и не нашла времени даже написать тете, что прежде казалось невыносимым для нее.

Как самой последней по старшинству и новой фрейлине, ей доставалась вся «грязная работа». Она носила за Викторией зонтик, накидку, галоши или иные вещи, во время прогулок часто выполняя роль отсутствующей прислуги, дежурила чаще остальных по ночам в смежной с покоями графини комнатке, составляла официальные ответы на письма просителей, адресованные ее покровительнице, которая никогда не касалась их. Помимо этого, точно обладательницу самых быстрых ног, ее посылали по срочным и не очень срочным поручениям и именно ее рукам доверяли нежнейшие шелковые одежды графини для доставки в прачечную, для вышивания золотыми нитями и камнями узоров на ее одеждах до тех пор, пока они не соответствовали задумкам своей хозяйки. Помимо того, в свете Чарлиз должна была в любой момент поддержать разговор, уметь быть заинтересованной слушательницей и просто исполнительницей служанкой, а для того ей нужно было как можно быстрее выучить имена и привычки большинства придворных лиц, правила и тонкости светской жизни.

Собственную жизнь Чарлиз меняла на жизнеобеспечение и времяпрепровождение графини. К чести Виктории, стоит отметить – она отлично умела занять подчиненных, никого не оставляя без дела. Потому Чарлиз постоянно была на ногах или занята. Беспреданно, почти как с ребенком, находилась подле Виктории, исполняя капризы той. Только ребенок днем спит, а графиня, казалось, никогда не спала.

Дни изматывали ее еще сильнее тем, что все были одинаковыми. Словно один день повторялся снова и снова, в который, как в бездонный колодец, без отдачи уходило позитивное настроение, терпение, энергия и жизненная сила. А Чарлиз, не понимая причин своей усталости, на протяжении пятнадцати часов старалась быть проворной, услужливой, быстрой, дружелюбной со всеми и уступчивой, истощая силы к вечеру каждого дня.

Девушка часто приходила в свою комнату только к полуночи. Чтобы сэкономить свечу, которыми, как и с остальным инвентарем для фрейлин, Виктория не занималась, Чарли сразу же принималась крахмалить воротничок выстиранного в прачечной платья, чистить обувь от пыли, скопившейся за день, набирать воду в таз для омовения тела за прошедший день, чтобы на следующий соответствовать высокому статусу своей нанимательницы. Иногда, задерживаясь у Виктории, она успевала только, скинув обувь и платье, упасть на кровать, и ее глаза тут же закрывались. Засыпая, она думала о тетушке, даже писала ей письма в грезах дремоты, вспоминала о фехтовании и Оли, который, она знала, стал к ней ближе, вместе с полком пребывая где-то в округе столицы.

Только по прошествии двух месяцев, уже механически исполняя свою работу и зная, как собственное имя, распорядок жизни Виктории, Чарлиз смогла прийти в комнату раньше обычного, быстрее справившись со своей обязанностью доставки в прачечную белья графини, не доверяющей «грубым» рукам служанок подобные виды ткани и вшитые в них драгоценности.

Чарлиз торопилась сознательно. Она решила сегодня непременно написать тетушке, чтобы не заставляя ее волноваться еще более длительный срок.

Присев на постель и склонившись над прикроватной тумбой, под непрекращающийся шум и движение за дверью Памелы и Беллы, переходящих друг к другу из одной комнаты в другую в приготовлениях ко сну, она принялась сочинять:

(Письмо Чарли к тетушке)

Дорогая тетушка!

Бесконечно счастлива наконец писать Вам, уловив минутку и оторвавшись от суетной жизни двора. Даже если Вы справедливо корили меня за долгие месяцы молчания, знайте, мыслями я обращаюсь к Вам так часто, что могла бы надоесть Вам, если бы находилась подле, — она улыбнулась, водя пером на желтом листе грубой бумаги и часто макая его в чернильницу.

Я обязана рассказать Вам о встрече с графиней Викторией и теплом приеме во дворце. Она самая обворожительная и прекрасная женщина во всем мире, и, тетушка, я ни одной секунды не сомневаюсь в том, будет достойнейшей королевой всех времен. Я искренне любила ее, стоило ей вымолвить первые слова, но когда графиня благодушно позволила мне остаться при ней ее пятой фрейлиной, мне показались за спиной Ее Светлости ангельские крылья. Благодаря ее протекции, я познакомилась с двором и его жизнью и теперь могу быть полезной графине в ее отношениях с ним.

Кстати, об отношениях... Я была представлена Его Высочеству, но знакомства с ним не вышло. Я помню о своем обещании, данном Вам, я непременно и о нем разужнаю, но в настоящий момент я почти убеждена — он не достоин ее.

Любимая тетушка, пора заканчивать письмо, мне следует поторопиться на кухню, чтобы передать его с обозом, отправляющимся из дворца не чаще раза в месяц за провизией в Томплинсон. Слава наших сочных овощей и ароматных трав давно известна на королевской кухне, и многие блюда действительно могут потерять без них свой вкус! Отъищите, милая тетушка, этот обоз или купцов, направляющихся в столицу, для передачи ответа, пока я вижу этот способ единственным для обмена вестями друг о друге.

Целую Вашу руку,

Чарли

Но это было единственное письмо, которое Чарлиз написала и отправила до Таундера за все свое пребывание во дворце.

Со временем жизнь расставила все на свои места. Она доказала Чарли, что та цель, с которой девушка направлялась в столицу, настолько расплывчата и неопределенна, что так и осталась невыполненной целью. Чарли не смогла даже на шаг приблизиться к принцу. Но, если письмо, изменившее жизнь Чарлиз, было от его имени и подписано его рукой, выходит, именно он нуждался в помощи. Впрочем, выяснить это у него казалось невозможным...

«Как мне выкроить время, чтобы, помимо служению Виктории, найти возможность приблизиться к нему?» – Чарли остро занимал этот вопрос, и она полностью ему отдалась, вскоре обнаружив, что кроме него и своих обязанностей перед графиней ее более ничто не занимает. Впрочем, именно тогда, когда она кропотливо углубилась в решение вопросов чужих судеб, как ни странно, она потеряла интерес к собственной, лишая ее событий, радостей, даже огорчений. В общении с придворным светом она того не находила, в отличие от большинства. Петронелла с Габриэллой, Белла и Памела, напротив, находили забавы, флирт, тайные свидания в надежде устроить свою судьбу, тогда как Чарли подобная жизнь казалась невыносимой. «Зачем я приехала сюда? Графиня Виктория живет в благоденствии. Это здоровая, интересующаяся, цветущая молодая женщина без недостатка роскоши, яств, развлечений и мужского внимания. Правда, о принце я не могу сказать того же...»

Чарлиз практически не видела его. Даже если он и бывал в свете, то только когда его присутствие было необходимо, оставаясь нелюдимым, хотя, бесспорно, всегда галантным и вежливым. Словно сбега от двора, он отсиживался подолгу где-то в укромных уголках дворца либо часто отлучался в какой-нибудь из городов королевства. Словом, как во время послеобеденного отдыха или прогулок по парку, так и на вечерних мероприятиях Чарли его не встречала, а по прошествии двухмесячного пребывания во дворце, она окончательно потеряла его из виду. Говорили, что его высочество отбыл в соседнюю страну по каким-то своим, совсем не интересным Чарлиз, темным для нее политическим делам, и когда должен был вернуться, в кругах Виктории не ведали.

Как будто нарочно он избегал общества графини, а Чарли находилась именно в нем!

«Он поддается собственной слабости...» – часто в мыслях сетовала Чарли, тут же их пресекая. «Ах, что же я говорю, – размышляла она, вспоминая слова отрока. – Я не должна думать о нем дурно, но, боюсь, это так. Он сам препятствует своему счастью и не видит этого. Разве это возможно?! Как мне это изменить?»

Виктория, напротив, казалось, совсем не грустила по этому поводу. Безусловно, ей было неприятно осознавать, что ее «золотые» годы проходят в «подвешенном» состоянии, без уверенности в браке, но грустно – ни на мгновение. Она знала, что куда бы принц от нее ни уезжал, далеко он не уедет, ведь она уже жила в его доме, чувствуя себя здесь, как и ее мать когда-то, полноправной хозяйкой, напропалую кокетничая с менее царственными особами мужского пола, но не менее для нее привлекательными. Не страшась осуждений двора, пользуясь своей недолгой, как все придворные были уверены, свободой, она дарила ее своим обожателям. А обожателями Виктории считались все мужчины. Каждый старался завладеть либо ее взглядом, либо рукой для поцелуя, либо состоянием и связями в случае провала брака с будущим королем.

Попав в окружение двора, даже Чарлиз, как она ни пыталась, не удалось избежать его влияния. В столице она неминуемо поддавалась искушению размышлений о замужестве. И поддавалась им она часто, потому что искушений было много, но все они оставались кратковременны, как вспышка молний, и с легкостью забывались ею, как минутное помутнение рассудка во время раскатов грома. Да и охотников на лишенную своего положения дворянку не находилось. Обыденное бедное платье, так контрастирующее на фоне лоска нарядов остальных, выдавало в ней отсутствие какого бы то ни было состояния. И внешность ее, ничем не украшенная, как у всех дам вокруг, делала ее непримечательным объектом для флирта, потому кавалеры редко уделяли ей внимание. А те, что заворачивали обходительными манерами или

красотой ее неопытный взгляд, при ближайшем рассмотрении оказывались изнутри совсем иными. Теми, кого интересовало все то, что было Чарли противно: самолюбование, злато, чревоугодие с увеселением или азартные игры. Вскоре, после частых разочарований, долгих раздумий и даже обид на судьбу, она смирилась, окончательно перечеркнув для себя даже возможность замужества, решив, что так оно, наверное, и к лучшему. Чарлиз научилась напоминать самой себе, что все придворные мужчины – самодовольные, любящие только себя гордецы, интересующиеся лишь собственным телом либо телом и деньгами богатых наследниц. Отчасти она говорила так себе еще и потому, что подобные суждения помогали с меньшей болью принимать безразличные взгляды и отвечать полным спокойствием на них самой.

После двухмесячного пребывания в столице у девушки началась бессонница, мучившая ее каждую ночь. Измотанная за день, не чувствуя под собой ног, она ложилась спать, зная, что завтра вновь предстоит прожить трудный, пятнадцатичасовой рабочий день, но не могла заснуть. Не получая ни эмоциональной, ни смысловой отдачи за свои старания, Чарли теряла интерес к происходящему. Она чувствовала, что жизнь утратила для нее цвет, окрасив дни в серую бесконечность. С открытыми глазами, лежа на кровати по ночам без сна, она искала и не находила способов вернуть его и радость жизни. Определенно, одной из причин была тоска по родному дому и отсутствие тетушки, которая непременно бы пожалела племянницу, прижала б к груди. «Нет, жалость к себе не может стать спасением», – заключила Чарлиз, стремясь искоренить в себе любые проявления эгоизма.

«Обидно, но нужно признать, что я потеряла себя... Сейчас мне необходимо мыслями и душой быть подле Виктории, но я не могу, словно лишилась чего-то важного. Оставив Оли, тетушку, все, что мне было дорого, обменяв прошлую жизнь на словесное обещание помощи принцу, я была слишком самонадеянна в своих силах... Жажда разобраться в себе, я потеряла, хотя, наоборот, надеялась приобрести. Не ошибалась ли я в себе, давая обещание? Порой я уверена, что не смогу. Не смогу дойти до конца, которого не видно... Что, если я выбрала не ту дорогу? Может быть, еще возможно все вернуть назад и поселиться в летнем домике на краю тетушкиных владений? Нет, я уже слишком много шагов сделала по этому пути. Страшно находиться в невесомости, уже оторвавшись от прошлого, спасаясь только верой. Не иметь ничего, кроме нее. Но именно вера в то, что все получится, возвращает мне разум, а он твердит – если душа не спокойна, что-то стоит изменить...»

Чарлиз не хватало того, благодаря чему в Таундере она неизменно радовалась каждому дню, с легкостью переносила тяжести и невзгоды. И это нечто навсегда осталось в прошлом. Ее шпага могла бы вернуть Чарлиз к жизни. Но где она теперь? Под амбаром ее больше не было, Чарли точно это знала, ведь она променяла ее на эту новую жизнь, так легко отказавшись от прежней.

В одну из бессонных ночей девушка встала с кровати, подошла к стене, на которую лился лунный свет от тонких занавесей, в редких местах уже продырявленных временем, и, воображая в руке шпагу, сделала выпад на незримого противника. Медленно, но верно, по частям, она вспоминала и воссоздавала все те движения, что когда-то являлись смыслом ее жизни. Не разучивая новые, она стремилась хотя бы не растерять старые навыки, закрепленные в фехтовании с Оливером.

«Если брошу практику, потеряю себя навсегда. Та веселая, мечтательная девушка, какой я была когда-то, погибнет, – убеждалась Чарлиз. – Чего бы это ни стоило, нельзя прекращать тренировки, ведь они для меня – жизнь. Они не могут отобрать у меня силы для служения Виктории, они мне их даруют. Службой моей и сердцем, как и прежде, будет неизменно заведовать Виктория, но над ночами и душой властна только я. Правда, единственное и самое главное, чего не достает – это шпага. Но я добуду ее у местного кузнеца, во что бы то ни стало», – и Чарли с решительным видом направилась обратно к кровати.

В первый раз за долгое время она уснула в одно мгновение, избавившись от мук затяжной бессонницы.

Глава 8

Чарлиз все просчитала.

Намечался один из вечеров, когда Виктория отпускала фрейлин раньше, оставаясь на закрытом вечернем приеме во главе с королем, его избранным кругом придворных и новыми гостями. Графиня тщательно готовилась и с нетерпением ждала подобных мероприятий, на которых часто ее собеседниками становились высокопоставленные лица мужского пола, имеющие все шансы заинтересовать молодую графиню своим состоянием, обращением или внешней красотой. Кроме того, Виктория постоянно и остро нуждалась в «новой крови» и внимании еще одной «партии» обожателей, дарующих, помимо комплиментов, новые вести, право разглашения и применения которых она всегда оставляла за собой и могла направить против любого лица для собственной выгоды. Когда Виктории приходилось переступить через другого, она делала это уверенно и без оглядки. За эту стойкость духа она себя уважала и чествовала.

Подходящее событие неизменно приближалось, поскольку весь дворец полнился слухами о скором прибытии заграничных кораблей к пристаням столицы, а их адмиралов ко двору.

Когда же это произошло, Виктория, как и было ожидаемо, оставила при себе лишь старших фрейлин Петронеллу и Габриэллу, остальных отпустив до утра, намереваясь до полуночи проиграть в карты с интересными мужчинами, к тому же наивысшего чина.

Итак, путь Чарлиз к фехтовальному оружию был свободен. Ничто и никто не удерживал ее во дворце: ни Виктория, ни отсутствующий кронпринц. По-прежнему находясь в отъезде, он должен был прибыть со дня на день, но большинство придворных называло срок к завтрашнему утру.

В отличие от Памелы и Беллы, которым и целого вечера было мало для разговоров в комнате одной из них, где приятельницы любили уединяться при любой возможности, Чарлиз не терпелось покинуть свою, тайно отправиться в город, найти дом с мастерской кузнеца (о местонахождении которого она выведала у слуг), выбрать клинок и быстро вернуться обратно. Совершить это важное предприятие вместо себя она бы не доверила никому на свете. «Клинок – это как... муж. Нет, даже еще важнее. С мужем, возможно, не придется сражаться против обстоятельств, а в бою только на меч и можно положиться».

Раздобыть мужское платье, только в котором Чарли могла в поздний час беспрепятственно передвигаться по дворцу и за его пределами, труда не составило. Договорившись со слугами, которые через вторые и третьи руки добыли Чарлиз простого кроя брюки и вычурную блузу с воланами, очевидно, принадлежащую одному из причудливых пожилых графов, отказавшемуся от нее, она нуждалась в средствах, чтобы отблагодарить их. Но Чарлиз была не одна в этом мире. У нее оставалась тетушка. По приезде во дворец, повесив в шкаф третье из своих платьев, она оставляла его неприкасаемым, но намеренно приготавливая к службе, слышала звук монет, бьющихся друг об друга в одном из карманов одеяния. Тетушка, отправляя племянницу в столицу, безусловно, позаботилась о Чарли, и, зная, что та не возьмет ни гроша, предосудительно спрятала их в карман платья.

Обнаруженных денег оказалось ровно столько, сколько требовалось на парик и накладные усы, помимо изъявления благодарности верным друзьям-слугам. Чарлиз достался необычный парик. Как и усы, он был полностью черным, поэтому для естественности образа ей пришлось углем подкрасить брови и даже глаза, чего она, обладательница светлой кожи, никогда прежде не делала. Прodelав все это, юная особа себя не узнала. Из маленького прикроватного зеркала на нее смотрел молодцеватый восточной наружности мужчина, широко улыбаясь ей. Впрочем, через несколько мгновений, растянувшись в смешливой гримасе, он схватился за живот. Чарлиз стало весело, как давно уже не бывало. Но вспомнив слова Оливера, предрекающие последствия бессмысленного веселья, она, посерьезнев, осторожно приоткрыла дверь.

Коридор пустовал, потому Чарли, тихо, но быстро ступая по деревянному полу, без препятствий вышла на черную лестницу дворца. А там, смешавшись с разномастной прислугой, первый раз вышла в город.

Было странно и чудно оказаться за столь длительное время плена дворцовых решеток на улице, среди толпы таких же обычных, как Чарлиз, людей. Видеть, как вечер ложится на крыши домов, к которым спешат люди после долгого рабочего дня, закрыв свои лавки или исполнив необходимые дела. Всюду дышала, струилась жизнь, заставляя девушку чувствовать себя от нее оторванной прежде. Ей было невообразимо приятно, останавливая прохожих, разговаривать наравне с ними, уточнять маршрут до адреса дома кузнеца, подсказанного слугами, крайне удивленными расспросами о нем, но теряющими бдительность после уверения о заказе подарка близким.

Расспрашивая дорогу, рассматривая город и горожан, Чарлиз углублялась все дальше по каменистым улочкам столицы на ее окраину, пока не достигла основательного, приземистого каменного дома, расположившегося в тупике одной из улиц.

Она знала, что кузнец работает у себя в доме, на первом этаже которого располагалась кузница, на втором – жилые комнаты его семьи, поэтому разминуться с мастером было не возможно, даже если он работал допоздна, его всегда можно было застать дома.

Девушка постучала тяжелым железным кольцом в деревянную дверь, очевидно, кузницы.

– Приходите завтра, – прокричал с внутренней стороны грозный мужской голос.

– Я не смогу завтра... – расстроено протянула девушка. – Прошу вас... – жалобно попросила она.

То ли от любопытства, то ли от жалости, мужчина открыл дверь, исподлобья смотря на позднего посетителя, после коротко отрезав:

– Ладно, заходи.

Чарли бросился в глаза очаг кузницы, где ярко горел огонь, жаром обдав замерзшие от вечернего ветра пальцы девушки.

– И? – мужчина поднял брови. Он молча наблюдал за низкорослым и хилым юнцом нелепой внешности, ожидая его речи.

Чарли тоже смотрела не отрываясь на этого мощного и большого великана, возвышающегося перед ней, и боялась произнести что-либо.

– Мне нужна шпага, – наконец подчинив голос, неуверенно вымолвила девушка.

– Тебе? Для чего?

– Для упражнения в фехтовании.

– Это изделие не пользуется спросом сейчас, – не допускающим возражений тоном ответил силач.

– Да, но все же, – не унималась Чарлиз. – Быть может, вы сможете что-нибудь предложить...

– Да, могу. Это ты верно заметил. Но не тренировочную, а самую что ни на есть настоящую боевую шпагу. Если ты никого прикончить не собираешься, помогу подобрать под стать тебе, – он окинул взглядом юношу еще раз. – Тебе подойдет легкая, как пушинка, – в первый раз ухмыльнулся немногословный мужчина.

– Есть у меня одна такая, – он подошел к массивному сундуку, расположенному у стены, достав из него оружие, протянул его Чарли.

Длинный узкий клинок, дугообразно изогнутая гарда и рукоять, окруженная извивающимися полосками металла, свидетельствовали о непревзойденном мастерстве и вкусе ее создателя, гарантируя защиту пальцев и будущие удачи владельцу в сражении. Чарли было сложно оторвать от шпаги взгляд, так же как и пальцы от плавных и точеных линий. Девушка уже была влюблена в это оружие, начиная считать своим, но когда кузнец назвал цену, испугалась,

что не сможет за нее рассчитаться, растратив на облачение все деньги, потому надеясь только на обмен.

– Золотое кольцо годно для оплаты? – с надеждой в голосе поинтересовалась она.

– Я не принимаю кольца, – ответил кузнец. Увидев украшение, сверкающее зеленым блеском камней посреди, он добавил:

– Хотя ладно, дай взглянуть.

Виктория не платила своим фрейлинам за их труд, хотя, возможно, и должна была. Чарлиз того не знала и не жаждала знать. Но все же иногда графиня одаривала фрейлин теми золотыми побрякушками, которые, преподнесенные в дар ее особе, не удостаивались чести нравиться ей. Единожды и Чарли была вознаграждена подобным золотым украшением, подаренным ей молодой графиней за недостаточный для той малый камень изумруда и простоту исполнения тонкого изделия. На этот неожиданный дар и уповала Чарли, храня его для крупного приобретения.

Кузнец, рассматривающий кольцо с минуту, сжал его в кулаке и спрятал в нагрудном кармане.

– По рукам, – только и произнес он, протянув своему покупателю грязную тряпицу, в которую тот мог завернуть оружие, заменив ей отсутствующие ножны.

Аккуратно замотав тканью длинный клинок и ничего не замечая на своем пути от радости, Чарлиз выбежала на улицу.

Как только девушка вошла во дворец, назвав охране пароль, полученный у нее же в суматохе приготовлений к заморским визитерам, мысли ее занимал лишь поиск потайного места для хранения шпаги. В комнате, принадлежащей ей, она не была ни полновластной хозяйкой, ни единственным посетителем, потому не ручалась за действия всех остальных. Хоть и раз в неделю, но в ней убиралась прислуга, как правило, днем, в отсутствие мешающей уборке обитательницы. Часто заглядывающие Памела и Белла, живущие по соседству, подчинялись не Чарлиз, а именно Виктории, имея возможность в любой момент доложить той о любом найденном «кладе», вызвав недоумение или даже гнев графини, которую Чарли очень не хотела огорчать.

Чарли терялась в догадках, где спрятать оружие. Решение надо было принимать быстро, пока она шла по коридорам и лестницам к своей комнате. Впрочем, когда разум начитает поиски, он замечает все необходимое, потому во время прохождения по последнему этажу здания взгляд Чарлиз замер на одном из окон, словно в галерее, располагающихся друг за другом по всему коридору против комнат, в том числе занятых фрейлинами. Единственное с распахнутой рамой и открывающимся позади себя видом на покатую крышу и небольшую декоративную башенку, за которой можно было бы попытаться отыскать укромное место для хранения оружия, показалось Чарли решением ее затруднения. Действительно, о лучшем тайнике и мечтать было нельзя, ведь девушка могла позволить себе еще и насладиться свежим воздухом, побыв наедине с собой и природой, не выходя из дворца! Как же раньше она не додумалась до этого? Бесспорно, опасность сорваться с крыши останавливала, но она стоила попытки на нее забраться, ведь настроение безграничного праздника в душе от приобретения шпаги, воодушевляя, распаляло в ней бесстрашие.

Оставаясь в мужском костюме, самой удобной одежде для путешествий по крышам, Чарлиз, заткнув шпагу за пояс сзади и крепко держась за оконную раму, перелезла через нее и шагнула на крышу. Шел первый час ночи, и тишина дворца и спящих его обитателей поддерживали девушку, придавая ловкости и сил. Перехватываясь руками за выступы в стене, она уверенно

продвигалась к маленькой башне, чтобы, обогнув ее, найти укромное место для шпаги и полюбоваться панорамой спящей столицы.

Завернув за башню, девушка оставила шпагу у ее основания, надежно укрыв от возможного дождя приподнятым дерном, покрывшим некоторые стыки на крыше. Закончив и выпрямившись, она с удивлением обнаружила, что часть крыши продолжает тянуться узкой покатою дорожкой вперед, по краям охраняемая статуями, словно замершими живыми людьми. Чарлиз плохо ориентировалась на местности и в пространстве, поэтому совсем забыла и не учла их. Находящиеся на уровне окон четвертого этажа, они загоразивали маленький по сравнению с собой силуэт девушки от просмотра через эти самые окна, поэтому Чарли, оставаясь незамеченной, решила спуститься по наклонному пути, помимо кромки темного неба надеясь насладиться ночным видом прилегающих территорий с верхней точки многоуровневой кровли дворца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.